

ЯЗЫК ПИНДАРА (ИТОГОВОЕ ОБОЗРЕНИЕ)

Настоящая статья представляет собой сокращенный вариант сборника публикаций 1957–1990 годов под общим заглавием: «Пиндар: Проблема языка» (СПб.: Нестор-История, 2007)¹. В нем подводятся итоги проводившегося на протяжении нескольких десятилетий исследования языка Пиндара, виднейшего представителя древнегреческой хоровой лирики (518–446 гг. до н. э.)². Речь идет об определении характера самого языка и его истоков, выяснении диалектно-территориальной базы, а также о фонетико-морфологических особенностях и лексическом составе, отношении поэта к устоявшейся традиции и его новаторстве. Вступая в полемику с моими многочисленными предшественниками, я высказываю ряд собственных суждений о происхождении и характере языка древнегреческой хоровой лирики, подкрепляя свои предположения широким привлечением эпиграфических материалов, новых папирологических находок и ранее неизвестных науке крито-микенских текстов XIV–XII вв. до н. э.

Работа состоит из вступления и пяти разделов. В первом рассматривается история пиндаровского текста с древних времен до наших дней и определяется степень его достоверности. Во втором разделе анализируются надписи ряда областей Древней Греции с целью выявления в них общих с Пиндаром языковых элементов. Третий раздел посвящен анализу поэтической лексики поэта, четвертый – выборочному лексическому материалу. Пятый раздел отведен проблеме диалектно-территориальной базы языка хоровой лирики, изучению мнений многочисленных исследователей, отстаиванию точки зрения и доказательствам автора.

¹ Сборник посвящен памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского.

² См.: Н. С. Гринбаум. Язык Пиндара (фонетико-грамматический анализ и проблема диалектно-территориальной базы. Докторская диссертация. Т. I–III. М., 1969. 1220 с. (машинопись. Ленинская библиотека). Его же: Язык древнегреческой хоровой лирики (Пиндар). Кишинев, 1973; Художественный мир античной поэзии. Творческий поиск Пиндара. К 2500-летию со дня рождения поэта. М., 1990.

Вступление

Творчество Пиндара представляет собой яркое явление в истории греческой литературы. Уроженец Беотии, одной из наиболее отсталых областей Греции того времени, Пиндар благодаря силе своего таланта вырос до общепризнанного классика торжественной хоровой лирики. В его песнях, исполнявшихся в честь победителей олимпийских, пифийских, истмийских и немейских состязаний, на всю Грецию прозвучала хвала человеческой силе, ловкости и красоте. И хотя Пиндар выступил как защитник гибнущего мира аристократии, добродетели, им воспетые, стали дорогими не только сердцу греческого народа, но со временем, получили признание всего человечества.

* * *

К числу проблем, связанных с жизнью и творчеством Пиндара, не решенных до сих пор в научной литературе, относится и вопрос о пиндаровском языке.

Высказывания древних и позднейших грамматиков позволяют сделать выводы, что уже в античности не было ясности в отношении оценки языка Пиндара. Поскольку он не совпадал ни с одним живым, известным грамматикам, греческим диалектом, отдельно взятым и не содержал в себе явно эпических черт.

Дискуссия вокруг вопроса о характере языка Пиндара разгорелась в начале XIX века, когда стала складываться современная классическая филология. Одни ученые считают, что в основе пиндаровского языка лежит эпический диалект, т. е. язык Гомера (Hermannus 1827: 217; Voesskius 1811: 289; Peter 1866: 4; Lind 1893: 1–2). Другие утверждают, что Пиндар пользуется, прежде всего, дорийским диалектом (Ahrens 1843: 410; Thumb 1932: 217; Hoffmann, Debrunner 1953: 105). Третьи убеждены, что базой языка Пиндара является его родной диалект – беотийский или язык города Фив (Führer 1885: 49–60). Четвертая группа ученых полагает, что пиндаровский язык и не ионийский и не дорийский (Zarneke 1890: 8; Buck 1910: 13). И наконец, еще одна группа склонна видеть в языке поэта некое литературное койне (Wilamowitz-Moellendorff 1922: 98–101; Sinko 1931: 343). Однако, несмотря на имеющиеся различия, большинство исследователей согласно с тем, что язык Пиндара неоднороден, что в той или иной степени в нем имеются элементы трех основных греческих диалектов: ионийского (эпического), дорийского и эолийского. Согласны исследователи и в том, что Пиндар пользуется лишь главными чертами этих диалектов и старательно избегает местных особенностей. Общим является также мнение, что обращение к Гомеру, выбор Пиндаром той или иной диалектной

формы определяется литературной традицией, с одной стороны, и художественным вкусом поэта, с другой. И, наконец, большинство ученых считает язык Пиндара искусственным образованием, а не живым диалектом современных поэту греческих племен.

Возникает вопрос, можно ли соглашаться с высказанными выше положениями. Бесспорно, что язык Пиндара неоднороден и состоит из различных диалектных элементов. Привлекает однако внимание, что до сих пор не удалось доказать, какой из диалектов лежит в его основе. Бесспорно, что ряд элементов гомеровского языка встречается и у Пиндара. Однако отсюда еще не следует, что базой пиндаровского языка является гомеровский. Неубедительным представляется и положение о том, что отсутствие местных особенностей в языке Пиндара следует объяснять блестящим умением поэта отбирать наиболее общие диалектные черты разных диалектов и отбрасывать менее характерные. Возникает вопрос, уместно ли приписывать поэту V века до н. э. сознательное стремление к отбору наиболее общих диалектных черт. Не следует ли искать здесь объективные, а не субъективные причины этого явления.

Некоторые ученые (Виламовиц) видят в пиндаровском языке материковое койне. Гипотеза, сама по себе, весьма интересная, но она не подкреплена им конкретными доказательствами ни в пространстве, ни во времени.

Таким образом, перед исследователем возникает ряд задач: выяснить соотношение пиндаровского языка с языком остальных хоровых лириков; определить диалектно-территориальную основу самого языка и с этой целью обратиться к не учтенному и не учитываемому учеными эпиграфическому материалу; при этом имеются в виду языковые следы в надписях ряда областей Греции. В этой работе может оказать большую помощь и привлечение дешифрованных в 1953 году М. Вентрисом крито-микенских текстов – на греческом языке, на 500–600 лет старше гомеровских поэм. Следует, наконец, не ограничиваясь фонетическими, как это зачастую практиковалось до сих пор, проанализировать морфологические и лексические особенности пиндаровского языка с целью определения его места в истории греческого поэтического и – шире – литературного языка.

I. История текста

а) Эллинистическая (с III в. до н. э.) и средневековая (с XII в. н. э.) традиции (опыт сличения).

Вплоть до конца XIX столетия единственным источником текстовой традиции Пиндара были средневековые рукописи. Изучение в начале XX века папирусного материала, который более чем на тысячу лет древнее рукописного, позволило впервые поставить вопрос о достоверности византийской традиции. Благодаря папирусным данным многое удалось уточнить или исправить. Однако все еще остается нерешенной задача широкого сопоставления эллинистического и средневекового рукописного предания, определения схождений и расхождений языковых норм, содержащихся в источнике. А между тем значительно увеличившийся и постоянно растущий объем исследованного папирусного материала (Р. Оху) дает возможность в настоящее время наряду с изучением степени сохранности античного текста и выявлением лучших рукописей выявить языковые особенности отдельных видов произведений Пиндара.

Сличение совпадающих в папирусах и средневековых рукописях фрагментов пиндаровских эпиникиев дает возможность сделать некоторые наблюдения. Рукописная средневековая традиция сохранила в основном с большой точностью текст эпиникиев, представленный в папирусных отрывках (Тугун 1932: 69–70). Выявлены вместе с теми определенные расхождения между обеими традициями. Характер этих расхождений неодинаков. В ряде случаев папирусные чтения явно ошибочны, в то время как рукописные варианты правильны. Случается и обратное.

За исключением небольших отрывков, поэтический текст Пиндара, сохранившийся в папирусах, не совпадает со средневековыми рукописями. В рукописном виде до нас дошли в основном эпиникии, папирусы же содержат фрагменты других произведений поэта. Поэтому сличение традиций пиндаровского текста преследует две цели: во-первых, определить степень достоверности рукописного предания для эпиникиев в целом, во-вторых, выяснить степень близости их языка к языку остальных произведений. Рассматриваются некоторые общие дублеты, т. е. имеющиеся в папирусах и средневековых рукописях; рукописные дублеты, один элемент которых встречается в папирусном предании; папирусные дублеты, один элемент которых засвидетельствован в рукописной традиции; другие явления, совпадающие и несовпадающие в обоих преданиях.

Рукописное средневековое предание эпиникиев с большой степенью точности воспроизводит общий характер и основные

языковые особенности поэтического текста, дошедшего до нас в папирусах, и, главным образом, текста пеонов.

Определенный круг явлений, встречающихся в средневековых рукописях, не найден тем не менее в папирусах, и наоборот.

Сличение средневековой традиции с эллинистической привело к выявлению некоторых языковых различий в тексте эпиникиев, с одной стороны, и остальных произведений, с другой. Заслуживают, в частности, внимания отдельные фонетико-морфологические (Irigoin 1952).

Встречаются только в средневековых рукописях:

а) род. п. ед. ч. на -αο, дат. п. мн.ч. на -εσσι от существительных φρήν, ἀνήρ, χεῖρ;

б) третье лицо мн. ч. глаголов на -οισι;

в) местоимения: ἄμμε, ὑμμε, ἄμός, ὑμός;

г) формы: υἱέες, Ποσειδάων и др.

В свою очередь, только в папирусах употребляются:

а) род. п. ед. ч.: Λατόνος;

б) вин. п. ед. ч.: πολέα, νᾶα, ἀχιλλῆα;

в) дат. п. мн. ч.: γυνεῦσιν (τοκεῦσιν);

г) формы: ἰαρός, πτόλις, μέζον, παῖήων;

Сопоставление перечисленных различий показывает, во-первых, что папирусный материал в фонетико-морфологическом отношении мало отличается от рукописного и лишь в незначительной степени обогатил наши данные о морфологической структуре пиндаровского языка. Во-вторых, сопоставление показывает, что рукописный средневековый материал содержит и определенные чуждые папирусу явления.

Очевидно, эпиникии несколько отличались в языковом плане от других произведений Пиндара. Не исключено в частности, что одна из особенностей их языка заключалась в более широком использовании в них автором эолийских элементов.

б) Печатные издания пиндаровского текста

На смену почти двухтысячелетней рукописной традиции текста Пиндара приходит в начале XVI века печатная. В течение почти 500 лет произведения поэта издаются и переиздаются учеными многих стран. Попытаюсь проследить процесс восхождения от первых скромных изданий эпиникиев начала XVI века до последних первоклассных научных изданий всего творчества Пиндара в середине XX столетия, выделяя из громадного числа издателей тех, которые внесли в этот процесс наиболее значительный вклад.

Первое печатное издание Пиндара (editio princeps) было подготовлено Альдом Мануцием и вышло в свет в г. Венеции в 1513 году

(Pindari Olympia, Pythia, Nemea, Isthmia. Callimachi hymni qui inveniuntur. Dionysii de situ orbis. Lycophronis Alexandra, obscurum poeme. Aldus Manutius: Venice, 1513). Оно охватывало наряду с произведениями других авторов четыре книги эпиникиев Пиндара без схолий и критического аппарата с краткой биографией поэта. Однако базой позднейших изданий послужило не венецианское, а римское издание 1515 года, подготовленное Захарией Каллерги и содержавшее, кроме текста эпиникиев, метрические схолии, старые текстовые схолии ко всем одам и новые (триклинианские) к олимпийским (Pindari Olympia, Pythia, Nemea, Isthmia...Impressi Romae par Zachariam Callergi Cretensem [Romae, 1515]).

Новым шагом вперед по сравнению с editio princeps явилось издание 1616 года (Pindari periodos...Olympionikai, Pythionikai, Nemeonikai, Isthmionikai...Erasmi Schmidii Delitiani [Vitebergae], 1616). Э. Шмид выявил и исправил в тексте победных песен большое количество разнообразных ошибок, использовал при подготовке издания дополнительные рукописи, снабдил оды метрическими схемами и подробным комментарием, дополнил эпиникии фрагментами.

В 1798–99 годах вышло в свет второе издание произведений Пиндара, подготовленное Х. Гейне (Heyne 1798–1799). Оно состояло из трех томов: один с критическим аппаратом и примечаниями (т. I), латинский перевод и схолии (т. II), фрагменты и словарь (т. III). Гейне исправил явно ошибочные чтения, восстановил некоторые особенности пиндаровского языка, поместил в III-ем томе комментарий Г. Германна, посвященный метрике пиндаровских од (Heyne 1798–1799, III: 179–351). Труд Х. Гейне, превосходящий как по объему собранного материала, так и по своей научной ценности прочие издания, сконцентрировал в себе успехи филологической мысли и издательского дела за период с XVI по XVIII век.

Начало XIX века знаменуется выходом в свет двухтомного издания произведений Пиндара, подготовленного А. Беком (Voeseckius 1811; Voeseckius 1821). Считая основным недостатком своих предшественников недостаточное внимание к показаниям рукописей, он привлекает много новых (37 из ста учтенных к тому времени). Различия между рукописями приводят его к выводу о первоначальном существовании нескольких рецензий пиндаровского текста. Бек отвергает александрийское деление текста на строфы и колоны, предлагая принять стих за основную метрическую единицу (Voeseckius 1811, P. II: 308–332).

Среди прочих заслуживает внимания издание од Пиндара Т. Моммзенем (Mommesen 1864). Разыскивая в течение ряда лет рукописи Пиндара, он добился выдающихся успехов: в 1847 году в

Риме натолкнулся на знаменитую рукопись В, в 1860 году – на паринскую С и лейденскую О и, наконец, в 1861 открыл один из лучших – кодекс А. Моммзену принадлежит заслуга первой классификации пиндаровских рукописей (им учтено их 154). Моммзен различает четыре группы кодексов: старые (*vetusti*), фоманские, мосхопуловы и триклинианские, и обозначает их соответственными заглавными латинскими, заглавными греческими, прописными латинскими и прописными греческими буквами.

В конце столетия появляется второе издание наследия Пиндара, подготовленное В. Христом (Christ 1896). Текст эпиникиев и фрагментов (их число составляет уже 328) сопровождается критическим аппаратом и комментарием; за его основу приняты четыре лучших рукописи: А В С D. И. Румпель издает в 1883 году словарь к Пиндару (Rumpel 1883). Он охватывает основную лексику пиндаровских од и фрагментов. Слова приводятся в контексте, учитываются разночтения кодексов.

Накопление нового фактического материала в связи с дальнейшим изучением рукописей, опубликование папирусных отрывков, переиздание схолий вызывают появление в XX столетии изданий Пиндара, оставивших по своему научному уровню далеко позади аналогичные труды предыдущего времени.

В 1900 году вышло в свет расширенное издание Пиндара (*editio maior*) под редакцией О. Шредера (Schroeder 1900). Издатель вновь сличил (после Т. Моммзена) лучшие кодексы (А В С D и другие), приложил много усилий для их систематизации (количество известных рукописей возросло уже до 186). Шредер признает существование двух рукописных традиций Пиндара: амброзианской (кодексы А С М N O V) и ватиканской (B S G E D J P Q U), восходящих к общему источнику – архетипу Π в н. э. Составленный им критический аппарат к одам отличается аккуратностью и полнотой. Большую ценность представляют грамматические заметки. Старые схолии издаются А. Драхманном в трех томах (Drachmann). Первый том содержит схолии к олимпийским одам (А В С D E F G), второй – к пикийским (B D E G Q), третий – к немейским и истмийским. Почти одновременно А. Пюэш издает Пиндара в Париже (Puesch 1923). Его четырехтомник составлен таким образом, что каждой книге од отводится особый том, содержащий греческий текст и его параллельный французский перевод с небольшим комментарием. Текст базируется на 14 рукописях: кроме А В С D учитывается чтения E G I M N O. Рукописям Пиндара и их классификации посвящена работа А. Турына (Турyn 1932). Автор выделяет две рецензии: амброзианская представлена рукописью Φ, ватиканская содержит ватикано-лавернцианский (B E) и геттингенский (G H) классы.

Турын доказал, что кодекс К является копией F. Копиями других рукописей он считает также I, частично O R M (см. «Gnomon», Vol. 9, 1933, p. 166–168).

В 1935 году К. Боура публикует свое издание Пиндара (Bowra 1935). В предисловии (p. III–X) он подвергает критике шредеровскую классификационную схему, а также новую оценку рукописей, данную Турином. В частности, он считает не вполне удачным деление старых рукописей на две группы (ватиканскую и амброзианскую), называет неавторитетными кодексы N O (вопреки Шредеру) и подчеркивает ценность рукописи C (вопреки Турыну). Боура базирует свой текст эпиникиев на семи старых кодексах A B C D E G V – основных по его мнению. В издании включены новые отрывки папирусов (P. Оху. 2092 и P. Berol. 13411).

Истории пиндаровского текста посвящено исследование Ж. Иригуэна (Irigoin 1952). Автор подробно изучил и сопоставил известные науке рукописи (их число достигло 200), определил их отношение к древней традиции, установил взаимные связи и зависимость одних от других. Выяснилось, в частности, что к ватиканскому архетипу восходят две рецензии: полная и сокращенная, каждая из которых развивалась самостоятельно. Ж. Иригуэн является также автором книги о метрических схолиях Пиндара (Irigoin 1958).

Новый период в издании произведений Пиндара открывает Бруно Снелль. Под его редакцией выходят в свет несколько изданий (Snell 1953, 1955, 1959–1964), а после его смерти очередные издания выпускает в свет Г. Мейлер (Maehler 1975, 1989). Третье и последующие издания Бр. Снелля состоят из двух частей: собственно эпиникиев и фрагментов. Свой текст он базирует на 14 лучших кодексах. Пользуется критическим аппаратом Т. Моммзена О. Шредера и А. Турына. По количеству (359) и объему привлекаемых фрагментов издание Снелля превосходит все предыдущие. Впервые в него включены более крупные отрывки опубликованных Э. Любелем в XXVI томе оксиринкских папирусов (P. Оху). Критический аппарат составлен с большой тщательностью. Перечень метрических размеров (p. 191–215) и список источников даны автором в конце второй части его труда.

Заметным вкладом в изучение Пиндара следует признать и словарь, изданный В. Слейтером (Slater 1969). Он призван заменить устарелый словарь Румпеля 1883 года. Базируясь на изданиях Снелля, Слейтер охватил весь лексический состав пиндаровских произведений, включая собственные имена. Каждое слово сопровождается английским переводом и приводится в контексте. Охвачен весь папирусный материал. По своей полноте (563 стр.)

словарь Слейтера превосходит все, что было создано до него и представляет неоценимый инструмент в работе над Пиндаром.

* * *

Обзор печатных изданий Пиндара показывает, какого большого успеха добились издатели за период с XVI по XX век. Значительно увеличился объем пиндаровского текста (папирусные отрывки составляют сейчас 1/3 его часть). Резко возросло количество изученных рукописей Пиндара: от нескольких в XVI веке до двухсот в настоящее время. Благодаря работам А. Бека, Т. Моммзена, О. Шредера, А. Турына, И. Иригуэна, Бр. Снелля рукописная традиция была подвергнута тщательному изучению. Были исследованы отдельные рукописи, сличены их тексты. Созданы классификационные схемы. Опубликование папирусных фрагментов дало возможность убедиться в достоверности средневековой традиции. Был создан и усовершенствован критический аппарат. Изданы схолии, изучена метрическая система од. На базе папирусов и лучших кодексов с учетом схолий и метрических данных текст произведений Пиндара был в основном восстановлен. У нас есть основание в настоящее время полагать, что перед нами текст поэта максимально приближенный к авторскому оригиналу. Появилась реальная возможность для всестороннего лингво-диалектного анализа его наследия.

II. Язык Пиндара и эпиграфический материал древней Греции

Вопреки утверждениям о том, что язык Пиндара создан искусственно самим поэтом и не связан с греческой реальностью, я решил обратиться ко второму письменному источнику наряду с литературой – древнегреческим надписям и попытаться найти объективные следы существования языковой среды, напоминающей пиндаровскую.

Сличение обоих источников проводилось мною по областям. Были охвачены, в частности, четыре области греческого материка: Фессалия, Аттика, Аркадия и Арготида. В их надписях удалось выделить значительное число общих с Пиндаром языковых элементов.

В Фессалии³ обращают на себя внимание с фонетической точки зрения прежде всего такие слова, как: ττολίарχοι (IG IX, 2, 1233; ср.

³ Ссылки на фессалийские надписи даются по: Inscriptiones Graecae. V. IX, 2. Berolium, 1908 (=IG IX, 2); E. Schwyzer. Dialectorum Graecorum exempla epigraphica potiora. Lipsiae, 1923 (далее – Schwyzer).

Pi. O. 8. 35, πτολι⁴); ἱερός (IG IX, 2, 1229; ср. Pi. O. 3. 30) и ἕτερος (IG IX, 2, 1109; ср. Pi. P. 4. 248); μουσικά (IG IX, 2, 913; ср. Pi. O. 1. 15); Φερσεφόνα (IG IX, 2, 429, ср. Pi. O. 14. 21); ряд дублетов: γᾶ – γαῖα (IG IX, 2, 270, ср. Pi. P. 11. 10, IG IX, 2, 641, ср. Pi. N. 10. 8); κόρα – κοῖρα (IG IX, 2, 638, ср. Pi. N. 7. 96; IG IX, 2, 638, ср. Pi. P. 9. 106); μόνος – μοῦνος (IG IX, 2, 521.15; ср. Pi. O. 9. 72; IG IX, 2, 641; ср. Pi. I. 5. 12); καρτερός – κρατερός (IG IX, 2, 1191, ср. Pi. O. 13. 84; IG IX, 2, 1228, ср. Pi. P. 4. 71); τέταρτος – τέτρατος (IG IX, 2, 544. 8, ср. Pi. O. 1. 60; IG IX, 2, 315, ср. Pi. P. 4. 47).

Среди общих морфологических особенностей выделяются: род. п. ед. ч. α-основ на: -α, -αο (IG IX, 2, 505, ср. Pi. P. 4. 263; IG IX, 2, 511. 11, ср. Pi. P. 4. 12); о-снов на: -ου, -οιο (IG IX, 2, 512. 26, ср. Pi. Pae. 9. 16; IG IX, 2, 511. 5, ср. Pi. Pae. 13a. 4); вин. п. мн. ч. на: -ους, -ς (IG IX, 2, 1135, ср. Pi. O. 1. 60; IG IX, 2, 517. 11, ср. Pi. O. 1. 53, codd.); дат. п. мн. ч. согласных основ на: -σι, -εσσι (IG IX, 2, 257, ср. Pi. N. 19. 30; IG IX, 2, 513. 6, ср. Pi. P. 8. 82); род. п. Διός – Ζηνός (IG IX, 2, 528. 3, ср. Pi. O. 2. 88; IG IX, 2, 528, ср. Pi. N. 11. 2); инфинитивы на: -ειν (IG IX, 2, 234. 4, ср. Pi. O. 6. 66; -εμεν (IG IX, 2, 517.14, ср. Pi. P. 4. 166); -μεν (IG IX, 2, 458. 9, ср. Pi. O. 3. 38); окончания 3 л. мн. ч. -(ο)ντι (IG IX, 2, 461. 26, ср. Pi. P. 7. 13); местоименные формы: σύ – τύ (IG IX, 2, 1135. 3, ср. Pi. N. 7. 98; IG IX, 2, 637, ср. Pi. P. 2. 57); νυν (IG IX, 2, 294, ср. Pi. O. 1. 64); ἄμμε (IG IX, 2, 517.13, ср. Pi. N. 6); σός – τεός (IG IX, 2, 249. 7, ср. Pi. Pae. 6. 133; IG IX, 2, 265, ср. Pi. O. 9. 112); числительные: δοιοί (IG IX, 2, 970, ср. Pi. N. 1. 44); τέσσαρες (IG IX, 2, 276. 8, ср. Pi. N. 3. 74); πέντε (IG IX, 2, 261. 6, ср. Pi. P. 7.13); εἴκοσι (IG IX, 2, 367. 5, ср. Pi. N. 6. 58); δισσός (IG IX, 2, 660. 2, ср. Pi. N. 1. 44); τρισσός (IG IX, 2, 656. 6, ср. Pi. P. 8. 80); частицы: ἄν (IG IX, 2, 517. 37, ср. Pi. Parth. 1. 11); κε (IG IX, 2, 515. 12, ср. Pi. I. 8. 45).

По линии композитов можно указать на ряд редких композитов (нарицательных у Пиндара, собственных имен в надписях: δικαιοπόλις (Pi. P. 8. 22; IG IX, 2, 94); ὀρθόπολις (Pi. O. 2. 7; ср. IG IX, 2, 1040. 6. 12); κρατήσιππος (Pi. N. 9. 4; ср. IG IX, 2, 532. 22); λυσίππωνος (Pi. P. 4. 41; ср. IG IX, 2, 703). Некоторые общие композиты нигде, кроме Фессалии, обнаружить не удалось: λεοντοσάμας (Pi. Fr. 74; ср. IG IX, 2, 558. 7); τηλέφαντος (Pi. Fr. 5. 2.; ср. CGC, Thessaly, 43. 6); ἀριστογόνος (Pi. P. 11. 3; ср. IG IX, 2, 1282. 126). Заслуживают также внимание слова: тараχά (Pi. O. 7. 30; ср.

⁴ Pindari Carmina cum fragmentis. P. I–II, ed. Br. Snell. Lipsiae. 1959–1964 (далее – Pi.). Сокращения: О. (олимпийские оды), Р. (пифийские), N (немейские), I. (истмийские), Pae. (пэаны). Последнее издание, подготовленное Г. Мейлером, вышло в 1989–1997 гг.

IG IX, 2, 1230. 2); ἀστός (Pi. P. 3. 71; ср. IG IX, 2, 1226); ἄνταλος (Pi. O. 7. 61; ср. IG IX, 2, 205. 15) и женский род существительного κίων (Pi. P. 1. 19; ср. IG IX, 2, 258. 12).

Рассматривая расположение общих Пиндару и надписям Фессалии языковых явлений, выясняем, что они сосредоточены главным образом в ее северо-восточной части: Пеласгиотиде (Ларисса, Краннон, Феры), Ахае Фтиотидской (Фарсал, Фивы), Перребии (Фаланна, Питий, Азорос) и Магнесии. Наибольшее число общих языковых элементов обнаружено в надписях центра Пеласгиотиды – города Лариссы. В этом плане выделяются надписи: IG IX, 2, 517 (III век до н. э.), содержащая письмо жителей города Филиппу Македонскому; IG IX, 2, 461 (II век до н. э.) из г. Краннона, представляющая собой декрет в честь Леона из Матрополя⁵.

В надписях А т т и к и⁶ привлекают внимание с фонетической точки зрения такие слова, как: ἀνορέα (IG I², 1021.2, ср. Pi. O. 8. 67); μαστός (IG III, 238 6. 10, ср. Pi. P. 4. 8); ἐβούς (IG, I², 57. 54, ср. Pi. O. 6. 103); ἀκερεκόμας (IG III, 171; III, 8; ср. Pi. P. 3. 14); Φερσεφόνα (IG II², 1774; ср. Pi. P. 12. 2), встречающиеся в основном в надгробиях и посвящениях. В морфологическом плане представляют интерес: форма двойственного числа: χε(ι)ροῖν (IG II², 1498.76; ср. Pi. O. 13. 95), дат. п. мн. ч. о-основ на -οισι (IG I², 6. 77; ср. Pi. Fr. 42. 5); местоимение σφεῖς (IG I², 39. 67; ср. Pi. Paе. 8.11), дат. п. мн. ч. φρασίν (IG I², 971; ср. Pi. P. Оху. 1792. fr. 11). Однако наиболее многочисленными оказались у Пиндара и в аттических надписях лексические совпадения: мною обнаружено свыше 300 общих слов поэтического обихода (т. е. отсутствующих в прозе); около половины из них (43%) не представлены в гомеровских поэмах. Эта лексика оказалась сконцентрированной главным образом в двух группах надписей. В первую входят надписи, связанные с Элевсином (IG I², 7, 76, 313; II², 1672) и афинским храмом Эрехтея (IG I², 372, 373, 374). Вторую группу составляют надписи, определяющие союзнические отношения Афин с другими городами (IG I², 10, 39, 57, 86). В надписях Элевсина мною обнаружены такие слова, как: ὀρόγυ(ι)α (IG II², 1693; ср. Pi. P. 4. 228); ἡγητήρ (IG III, 70.1; ср. Pi. P. 1. 69); ὄλος (IG II², 1666.17; ср. Pi. O. 3. 19); σμικρός (IG I², 313.111; ср. Pi. P. 3. 107). Формула ἐστία патрῶα (IG II, 628. 22) встречается в литературе кроме Пиндара (Pi. 11. 13/14) только у Еврипида (Е. Нес. 22). У Гомера засвидетельствована: ἰστία (Od. 14. 159) и патрῶα-

⁵ См. более подробно об этом: Гринбаум 1959: 93–102.

⁶ Аттические надписи цитируются главным образом по: Inscriptiones Graecae, I², F. Hiller von Gaertringer, Berolini, 1924; II–III², ed. J. Kirchner, Berolini, 1913–1935 (далее – IG I², II²).

ος (II. 2. 46). Элевсинские надписи сохранили также ряд общих с Пиндаром редких композитов: *παλιναίρετος⁷ (IG I², 313.131; ср. Pi. Fr. 84), *χρυσόκερως (IG I², 76.37; ср. Pi. O. 3. 29).

В списках должностных лиц, выходцев из двух афинских фил – Эрехтеиды и Гиппотонтиды (в состав последней входил Элевсин) – многие имена совпадают со сложными нарицательными пиндаровскими прилагательными, крайне редко или совсем не встречающимися у греческих авторов (ни одного из них нет Гомера): *Αδείμαντος (IG I², 325. 28 [Гипп.]; ср. Pi. N. 10.17), Εὐαίνετος (IG I², 373.193 [Гипп., Эрех.]; ср. Pi. P. 4. 177), Εὐθύμαχος (IG I², 929. 64 [Эрех.]; ср. Pi. O. 7. 15), Θεόφρων (IG II², 439.7 [Эрех.]; ср. Pi. O. 6. 41), *Αρχέπολις (IG I², 929.143 [Эрех.]; ср. Pi. P. 9. 54), Δικαίπολις (IG II, 803 e.126 [Эрех.]; ср. Pi. P. 8. 22).

Одной из особенностей пиндаровской лексики является отсутствие в ней глагола ποιέω. Для обозначения понятия «делать» Пиндар пользуется глаголами πράσσω (Pi. P. 4. 243) и ἐργάζομαι (Pi. N. 5. 1). Показательно, что глагол ἐργάζομαι засвидетельствован в ранних аттических надписях лишь в нескольких случаях: в элевсинской надписи (IG I², 313) и надписях из Эрехтейона (IG I², 372–4); в последних встречается и существительное ἐργασία (IG I², 6. 30; ср. Pi. O. 8. 42). Глагол πράσσω представлен в Аттике впервые в ранней элевсинской надписи (IG I², 6), встречается несколько раз в афинских декретах (IG I², 7.11; 40. 22; 116.16 (-ττ-)).

В эпиграфическом материале А р к а д и и⁸ обращают на себя внимание в фонетическом плане такие общие с Пиндаром слова, как: ἄεθλος (IG V, 2, 183; ср. Pi. O. 9. 108); ἀέλιος – ἄλιος (IG V, 2, 4.12; ср. Pi. I. 5. 1, 5. 2. 82; ср. Pae. 6.149); ἐστία (IG V, 2, 432. 45; ср. Pi. Parth. 2.106); ἕτερος (IG V, 2, 357.4; ср. Pi. N. 6.25); ὄνυμα (IG V, 2, 41.11; ср. Pi. Dith. 1.6); γίνομαι (IG V, 2, 6.10; ср. Pi. N. 7. 31); ἔκρινναν (IG V, 2, 343; ср. φαεινόν Pi. O. 7. 67); αὔθις – αὐτὶς (IG V, 2, 343.10; ср. Pi. N. 3.56, codd.; IG V, 2, 343. 50; ср. Pi. N. 4. 70). Особый интерес представляют: θεθμός (IG V, 2, 159; ср. Pi. O. 6. 69: τ-); Φερσεφόνα (SEG XI, 1139.4; ср. Pi. O. 14.21); κοινάν (IG V, 2, 6. 22; ср. Pi. P. 3. 28).

В морфологическом аспекте заслуживают упоминания: род. п. ед. ч. α-основ на: -αυ, -αο (IG V, 2, 3.16; ср. Pi. P. 4.171); вин. п. мн. ч. на -ους, -ος (IG V, 2, 20.18; ср. Pi. O. 6.26; IG V, 2, 343; ср. Pi. N. 3.24, codd.); им. п. мн. ч. ι-основ на -ιες (IG V, 2, 357.17; ср. Pi. O.

⁷ Слова, обозначенные звездочкой, отсутствуют у Гомера.

⁸ Надписи Аркадии цитируются по: Inscriptiones Graecae, V, 2, Berolini, 1913 (далее – IG V, 2); Supplementum epigraphicum Graecum, ed. J. J. Houdonius, Leiden, 1923 (далее – SEG).

8.2); двойственное число (IG V, 2, 357. 95; ср. Pi. O. 13. 95); дат. п. мн. ч. на -εσσι, -σι (IG V, 2, 357. 37; ср. Pi. P. 5. 64; IG V, 2, 3; ср. Pi. O. 6. 10); вин. п. мн. ч. на -ις, -ιας (IG V, 2, 357. 21; ср. Pi. O. 1. 286; IG V, 2, 357.19; ср. Pi. P. 9.19); формы собственных имен: Ἀρτέμιδι (IG V, 2, 84.5; ср. Pi. P. 2.7); Ἀρτεμιν (IG V, 2, 81.50; ср. Pi. Pae. 4. 1); Ποσειδάωνος (IG V, 2, 95; ср. Pi. P. 4.138); Ποσειδάωνι (IG V, 2, 97. 3; ср. Pi. O. 6. 58, -α); местоимения: ἄμμε (IG V, 2, 25. 71; ср. Pi. N. 6. 66), σφιν (SEG 11, 1084. 12, ср. Pi. O. 8. 83); глагольные окончания 3 л. ед. ч.: -τι (IG V, 2, 345. 6; ср. Pi. I. 2. 9), -ντι (IG V, 2, 159; ср. Pi. O.1. 29); инфинитивы на: -εν (IG V, 2, 3.5; ср. Pi. P. 4.115), -μεν (IG V, 2, 357. 177; ср. Pi. O. 6. 63), -ναι (IG V, 2, 16. 9; ср. Pi. Pae. 78. 47), -σαι (IG V, 2, 6; ср. Pi. N. 5. 26); аористы на: -σα (IG V, 2, 262.18; ср. Pi. N. 3. 26), -σσα (IG V, 2, 262; ср. Pi. P. 8. 80), -ξα (IG V, 2, 261. 14; ср. Pi. O. 8. 59).

Общим для аркадских надписей и Пиндара является и значительный слой поэтической лексики: ἀπύω (IG V, 2, 6. 3; ср. Pi. O. 5.19), ἔρπω (IG V, 2, 514. 2; ср. Pi. O. 7. 52), λεύσσω (IG V, 2, 16. 9; ср. Pi. P. 4.145), αἶσα (IG V, 2, 40. ε 43; ср. Pi. O. 9. ε 42), *φραδά (IG V, 2, 261.15; ср. Pi. O. 12. 9), *ρῆσις (IG V, 2, 343. 19; ср. Pi. O. 7. 55), *ἔνδικος (ἴν-, IG V, 2, 6. 33; ср. Pi. P. 5. 103), τέσσαρες (IG V, 2, 274. 6; ср. Pi. N. 3. 74), δωδέκα (IG V, 2, 3. 8; ср. Pi. N. 4. 28). Следует также отметить одинаковые имена и эпитеты богов: Ἀθάνα Ἰππία (IG V, 2, 85.11; ср. Pi. O. 13.82), Ἀθαναία (IG V, 2, 280; ср. Pi. N. 10. 84), Ἀθάνα Πολιάς (IG V, 2, 110. 45; ср. Pi. Pae. 6. 89), Ἑστία (IG V, 2, 46.10; ср. Pi. N. 11. 1), Ἥρα Παρθενία (IG V, 2, 74. 34; ср. Pi. O. 6. 88).

Наибольшее количество общих языковых элементов мною обнаружено в таких центрах Аркадии, как Тегея, Мантиней, Орхомен, Стимфал, Мегалополь. Однако и в названных городах лишь определенная группа надписей содержит языковые черты, характерные для Пиндара (см. подробнее об этом: Гринбаум 1972: 22–27).

Значительное число общих особенностей удалось мне обнаружить у Пиндара и в надписях А р г о л и д ы⁹. К фонетическим можно отнести огласовку α в τάμνω (IG IV, 1, 102.41; ср. Pi. P. 3. 68); неслитное αε в αεθλον (SEG 11, 328.2; ср. Pi. O. 9.108); дублиеты ἔνεκα – ἔνεκεν (IG IV, 1, 27. 5, 84. 38; ср. Pi. O. 1. 65; Parth. 2. 62); ὄσος – ὄσσος (IG IV, 1, 76. 33; 121.17; ср. Pi. Pae. 6. 89, 6. 87); усеченный префикс в ἐπάμερος (IG IV, 800; ср. Pi. P. 8. 95). По линии морфологии заслуживают внимания: двойственное число ἀμφοῖν

⁹ Надписи Аргolidы цитируются по: Inscriptiones Graecae. IV, ed. M. Fraenkel, Berolini, 1902 (далее – IG IV; IG IV, ed. Minor, fasc. I, ed. F. Hiller von Gaertringer, Berolini, 1929 (далее – IG IV, I)).

(IG IV, 1, 121.78; ср. Pi. I. 5.18); род. п. ед. ч. о-основ на: -ου, -οιο (Schulze¹⁰, 211, SEG 11. 305. 2; ср. Peter¹¹ 34); дат. п. мн. ч. на: -οις, -οισι (SEG 11, 314. 5; ср. Peter, 33); окончание им. п. мн. ч. -εες (Thumb¹², 1, 212; ср. Peter, 39); дат. п. мн. ч. на: -σι, -εσσι (Schulze, 211–212; Peter, 36–37); местоименные формы: τοι (IG IV, 1, 121.12; ср. Pi. Fr. 140a. 62), μιν (IG IV, 1, 121. 7; ср. Pi. Pae. 2. 73), νιν (IG IV, 1, 121.12; ср. Pi. P. 6.19), σφιν (Schwyzer, 83.28; ср. Pi. N. 6. 50), σφε (IG IV, 499; Schulze, 211; ср. Pi. Pae. 6. 89); род. п. Ποσειδᾶνος (IG IV, 499; Schulze, 211; ср. Pi. P. 4. 138); 3 л. ед. ч. на -σι (Schulze, 213; ср. Pi. P. 2.10), мн. ч. на -ντι (Schulze, 212; ср. Pi. N. 1.124); инфинитивы на -ειν, -ειν, -μεν, -σαι, -ναι (Schulze, 212–213; Schwyzer, 103; ср. Pi. O. 1. 3, 6. 66, 9. 37, Pae, 7 b. 47); перфектный инфинитив на -ειν (Schulze, 213; ср. Pi. O. 6.49); аористы на -σα (SEG 11, 379; ср. Pi. I. 2. 46); -σσα (SEG 17, 146. 5; ср. Pi. P. 8.80); -ξα (Schulze, 212; ср. Pi. P. 2.44, codd.); глагольные формы: εἶπας (Schulze, 213; ср. Pi. O. 8.46); ἰᾶσθαι (Schulze, 213; ср. Pi. P. 3.46); ἔμολον (IG IV 952.14; ср. Pi.O. 14.18); ἔγεντο (IG IV 492; ср. Pi. P. 6.28).

Общий лексический слой включает много слов поэтического обихода, в том числе и ряд редко встречающихся: γεννάω (IG IV, 1, 687.14; ср. Pi. P. 5.74); ἐρευνάω (IG IV, 1, 123.19; ср. Pi. N. 3. 24); *τηρέω (IG IV, 1, 65.12; ср. Pi. P. 2. 88); ἴσχω (IG IV, 1, 122. 40; ср. Pi. P. 11. 29); πέλω (IG IV, 1, 130. 23; ср. Pi. O. 6.100); *δαπάνα (IG IV, 1, 65. 105; ср. Pi. J. 5. 57); *ἐμπολά (IG IV, 1, 123. 33; ср. Pi. P. 2.67); *ἐργασία (IG IV, 1, 102. 23; ср. Pi. O. 8.42); *έλλανοδίκας (IG IV, 1, 66. 59; ср. Pi. O. 3.12); *μαστός (IG IV, 1, 126. 24; ср. Pi. P. 4. 8); κλῖμαξ (IG IV, 1, 122. 89; ср. Pi. Fr. 30. 3); *χοιράς (IG IV, 1, 127. 8; ср. Pi. P.10. 52); δύνασις (BCH, 33, 451. 22; ср. Pi. P. 4.238); ἀμαξιτός (IG IV, 1, 71.17; ср. Pi.N. 6. 54); ὁδοπόρος (IG IV, 1, 121. 83; ср. Pi. Fr. 340); *πέδοικος (IG IV, 1, 552, πεδάω-; ср. Pi. Fr. 25); ἐνερθεν (IG IV, 1, 103.57; ср. Pi. P. 9. 81); *μάταν (IG IV, 1, 121.84; ср. Pi. O. 1.83); ὑπένερθεν (IG IV, 1, 102.51; ср. Pi. N.10.87); ὄταν (IG IV, 1, 68.72; ср. Pi. O. 2.21); δωδέκα (IG IV, 1, 287; ср. Pi. N. 4.28); δεύτατος (Schwyzer, 90. 3; ср. Pi. O.1.50).

Общие Пиндару и надписям Арголиды языковые элементы встречаются наиболее полно и отчетливо в эпиграфических памятниках городов Аргоса и Эпидарва (см. подробнее об этом: Гринбаум 1972₂: 57–66).

¹⁰ W. Schulze. *Dialectus Epidauria*. IG IV, 1, p. 211–213 (далее – Schulze).

¹¹ Peter 1866 (далее – Peter).

¹² A. Thumb, E. Kieckers. *Handbuch der griechischen Dialekte*. Bd. 1². Heidelberg, 1932 (далее – Thumb).

Сличение пиндаровского языка с языком надписей Фессалии, Аттики, Аркадии и Аргολиды позволило выявить широкий круг общих явлений. Последние оказались засвидетельствованными в наибольшей степени в определенных центрах названных областей, из которых можно выделить Ларису (Фессалия), Элевсин и Афины (Аттика), Тегею и Мантинею (Аркадия), Аргос и Эпидавр (Аргολида). Однако и в указанных городах общие языковые элементы сосредоточены в определенной группе надписей. В Фессалии привлекает внимание надпись IG IX, 2, 517 (III в. до н. э.), содержащая письмо жителей Ларисы Филиппу Македонскому. Среди надписей Аттики это элевсинские (IG I², 6, 76, 313) V в. до н.э. и надписи афинского Эрехтейона (IG I², 372–374). В Аркадии выделяются тегейские (IG V, 2, 3, 4, 6; IV в. до н. э.) и мантинейские (IG V, 2, 262; V в. до н. э.). Из аргосских надписей Аргολиды обращают внимание: священный закон (SEG 11. 314; VI в. до н. э.) и надгробная надпись (SEG 11.305; V в. до н. э.). В Эпидавре выделяются надписи IV в. до н. э., связанные со святилищем Аполлона и Асклепия (IG IV, 1,121–123).

Следует отметить несколько моментов. Во-первых, значительная часть надписей имеет отношение к древнейшим культовым центрам Древней Греции. Остальные отражают акты межгосударственных отношений. Во-вторых, все упомянутые выше надписи – *прозаические*, непосредственно не связанные с поэтическим языком. В-третьих, обнаруженные мною общие с Пиндаром элементы принадлежат древнейшему языковому слою и в более поздних надписях, как правило, не встречаются.

Как показал анализ, архаическая языковая среда, о которой идет речь, объективно существовала на греческом материке и лишь впоследствии сохранилась в поэтическом языке хоровой лирики и ее виднейшего представителя – Пиндара (Итоги исследования подведены мною в статье: Гринбаум 1974: 24–43).

III. Поэтическая лексика Пиндара

Здесь рассматриваются выборочно различные аспекты поэтического мира поэта, его отношение к окружающей среде, восприятие разнообразных явлений природы и общества (Slater 1969).

1. Неорганический мир

В состав анализируемой группы входят 178 слов – нарицательных имен существительных. Они относятся к пяти подгруппам: «Атмосфера», «Земля», «Вода», «Время и движение» и «Прочие».

а) *Атмосфера*. Подгруппа включает 53 слова, они встречаются 303 раза. Над миром Пиндара доминирует небосвод (οὐρανός, 15 случаев), он заполнен эфиром (αἰθήρ, 9). На их фоне выделяются:

солнце (ἥλιος, 18), луна (σελάνα, 2; μήνα, 1) и звезды (ἄστρον, 6; ἄστῆρ, 2). День (ἡμέρα, 18; ἡμαρ, 8) сменяется ночью (νύξ, 15; εὐφρόνα, 1), свет (φάος, 19; φέγγος, 9) – темнотой (σκοτός, 5; ὄρφνα, 3; ζόφος, 2). Внимание поэта привлекают: огонь (πῦρ, 22), пламя (φλόξ, 6), луч (ἄκτις, 8; αὐγά, 3), сияние (αἴγλα, 4), вспышка (σέλας, 5), молния (στεροπά, 3; ἀστεροπά, 1), заря (ἁώς, 4). Остаются в стороне: вечер (ἑσπέρα, 4), закат (δυθμά, 1) и тень (σκιά, 1). Среди других явлений атмосферы поэт часто называет ветер (ἄνεμος, 16) различной силы – от дуновения (πνοά, 7) до порывистого (ρίπά, 10), пасмурную погоду (туча – νεφέλα, 8; νέφος, 5) с ливнями (ὄμβρος, 4) и громом (κεραυνός, 13; βροντά, 4), иногда со снегом (χιών, 1) и снежной бурей (νιφάς, 3) вплоть до замерзания (παγετός, 1). Иногда упоминается тишина (ἀγρυξία, 1; σιγά, 6; σιωπά, 2).

б) *Земля*. Подгруппа включает 58 слов, они употреблены 338 раз. В описании земного ландшафта наиболее часто встречаются слова: земля (γᾶ, γαῖα, 38 случаев) и материк (χέρσος, 7; ἄπειρος, 3). Внимание поэта привлекают горные вершины (κορυφαί, 19), горы (ὄρος, 10; δειράς, 2), скалы (πέτρα, 12; πέτρος, 3; σκόπελος, 3; ἐρίπνα, 1), равно как и пересеченная местность: холмы (λόφος, 4; ὄχθος, 2; ἀκρωτήριον, 1; γουνός, 1) и возвышенности (πάγος, 2; κολώνα, 2). Определенное место занимают равнины (πεδῖον, 15; πέδον, 3), берег моря и рек (ἄκτά, 7; αἰών, 2; κρημνός, 4; ἄκρα, 1), луга (λειμών, 1). Упомянуты долины (νάπα, 2; νάπος, 2; πτυχά, 4; πτύξ, 1), лощины (βάσσα, 4; κεῦθος, 2), ложбины (μυχός, 13; γύαλον, 5; δειρά, 2; θέναρ, 2) и пещеры (ἄντρον, 5). Немаловажную роль играют пути-дороги (ὁδός, 32; κέλευθος, 15; οἶμος, 5; πρόσοδος, 1). О недрах земли говорится относительно мало. Больше всего ценится золото (18), упоминаются: медь (χαλκός, 7), железо (σίδαρος, 2), уголь (ἀνθρακία, 1) и сплав металлов (ἀδάμας, 2). Отсутствует упоминание о серебре.

в) *Вода*. Подгруппа включает 31 слово, они употреблены 185 раз. Водная стихия у Пиндара (ῥῥωρ, 23 случая), в первую очередь, морская. Образ моря содержится в ряде слов: πόντος (31), ἄλς (10), θάλασσα (9), πέλαγος (8), ἄλμα (4). Поэта привлекает его бурная поверхность (κῦμα, 9), отливы (ἀνάπτωτις, 1) и приливы (ἄντλος, 2), морская зыбь (οἶδμα, 1; πλάξ, 1) и бездна (πυθμήν, 1), а также морской берег (ῥηγμῖν, 1), прибрежная полоса (πρών, 1) и утесы (ὄχθα, 6). Нередко упоминаются острова (νᾶσος, 20) и дважды островитяне (νασιώτας).

Второй компонент водной стихии – источники на суше. К ним относятся, в первую очередь, реки (ποταμός, 8) и чаще потоки (ροά, 9; ῥέεθρον, 5; ῥόος, 1; ῥόθια, 1) с их бродами (πόρος, 8) и устьем (προχοά, 1), течениями (χεῦμα, 2) и каналами (ὀχετός, 2); во-вторых,

источники и родники (κράνα, 8; κρανίον, 1; κρουνός, 2); в-третьих, озера (λίμνα, 3) и болота (τέναγος, 1).

г) *Движение и время.* Подгруппа включает 18 слов, они применены 134 раза. Наибольший интерес проявляет Пиндар к категории времени: время (χρόνος, 48 случаев, ὥρα, 13); подходящее время (καιρός, 21), период жизни (αἰών, 18; πέροδος, 1); год (ἐνιαυτός, 4; ἔτος, 4) и месяц (μείς, 5); времена года – весна (ἔαρ, 2), лето (θέρος, 1), осень (ὀπώρα, 3) и зима (χειμών, 4). В то же время редко упоминаются: движение (κινήθμος, 1; κινήτήρ, 1) и скорость (τάχος, 4), еще реже такие слова, как длина (μᾶκος, 2), глубина (βένθος, 1), толщина (πάχος, 1) и тяжесть (ἶπος, 1).

д) *Прочие.* Следует также упомянуть о таких общих терминах, как природа (φύα, 10 случаев) и действительность (ὑπαρ, 1), внешность (εἶδος, 4; ἰδέα, 1) и отображение (εἰδωλον, 1), знак (σύμβολον, 1; ὄνυμα, 2), связь (δεσμός, 4) и след (ἵχνος, 2). Из области математики встречаются: число (ἀριθμός, 4) и множество (πλήθος, 1), мера (μέτρον, 11) и доля (μέρος, 8), половина (ἡμισυς, 2) и мера длины (ὀρόγυια, 1).

Картина мироздания, увиденная Пиндаром, поражает широтой охвата и глубиной изображения явлений окружающей поэта природы, масштабом художественного видения общности и деталей представшей перед его взором действительности. Наибольший его интерес привлекают слова, относящиеся к описанию земной (58 слов) и небесной (53) сфер, в несколько меньшей – водной (31). В плане употребительности следует также отметить слова земной (338 раз) и небесной сферы (303), значительно превосходящие водную (185). Земля и небо – центральные области мироздания, к которым приковано поэтическое воображение великого художника античности.

2. *Общество*

В состав анализируемой группы входят 77 слов нарицательных существительных. Они относятся к четырем подгруппам: «Общности и сборы», «Руководители», «Жители» и «Состояния».

а) *Общности и сборы.* Подгруппа включает 17 слов, они встречаются 129 раз. Преимущественное внимание Пиндара привлекают: γένος (29 случаев), γενεά (22), λαός (18), πάτρα (17) и ἔθνος (12) т. е. слова, относящиеся к кругу генеалогических понятий и родовых отношений.

б) *Руководители.* Подгруппа включает 18 слов, они употреблены 109 раз. Предпочтение отдается словам: βασιλεὺς (33 случая), ἄναξ (20) и δεσπότης (10). Поскольку ἄναξ применяется Пиндаром лишь

к богам, а δεσπότης – преимущественно к богам, βασιλεύς является обозначением смертного руководителя греческого общества (20).

в) *Жители*. Подгруппа состоит из 21 слов, они встречаются 57 раз. Заслуживают внимания: ἑταῖρος (8), ταμίης (8), θεράπων (5).

г) *Состояния*. Подгруппа включает 21 слово, они использованы 115 раз. Наиболее употребительными являются: ὄλβος (33 случая) и πόλεμος (28), обозначающие типичные для греческой действительности состояния общественного благополучия, постоянно чередующиеся с конкретными ситуациями.

Из 77 рассматриваемых слов половину можно отнести к «гомеровской» традиции, она представлена около 350 раз, в то время как все слова употреблены 410 раз. Вторая половина слов засвидетельствована впервые в гомеровских гимнах (εὐδαίμονια, h. Hom. 11.5; ὀπαδός, h. Merc. 450) и у других лириков: ὄχλος (у Сапфо, 44.14 L.), τύραννος (у Алкея, Z 24. 3 L.), στάσις (у Солона, 3. 19. D), ἐλευθερία (у Симонида, 94.2 D.).

Ряд слов встречается впервые в поэтическом словаре самого Пиндара. Сюда относятся: κοιναῖα (1 случай) ‘сообщество мальчиков’, позднее употребляется Еврипидом, Фукидидом, Платоном и Аристотелем; εὐανορία (1) ‘сборы знатных мужей’, позднее у Еврипида; ἴλα ‘толпа, сборище’, позднее у Софокла, Еврипида, в прозе у Геродота. В подгруппе «Руководители» впервые обнаружены: ἀγῆτῆρ (1) ‘владыка’, также у Эсхила (ἡγήτης), Софокла и в надписи IG 3. 947 (ἡγήτῆρ); ἀρχεδίκας (1) ‘законный правитель’, гапакс; λαγέτας (4) ‘предводитель народа’, имеется еще только у Софокла. В подгруппе «Жители» впервые у Пиндара находим δραπέτας (1) ‘беглец’, имеется также у Софокла, Еврипида, в прозе – у Геродота; ἐπέτας (1) ‘спутник’, гапакс; ἔποικος (1) ‘колонист’, представлено также у Эсхила (прилаг.), Софокла, а также в прозе (Фукидид, Платон); ἐπόπτας (1) ‘покровитель’ (о богам), также у Эсхила и Эпихарма; ἐχέτας (1) ‘богач’, гапакс; πέδοικος (1) ‘пришелец’ (?), также у Эсхила (прилаг.). В подгруппе «Состояния» впервые у Пиндара встречаются: εὐαμερία (1) ‘благосостояние’, также у Еврипида и в прозе (Ксенофонт, Аристотель), εὐδία (5) ‘спокойствие’, имеется у Эсхила, Софокла и в прозе (Ксенофонт, Платон); εὐζοία (1) ‘благополучие’, также у Аристотеля; εὐπραγία (2) ‘успех’, встречается также в прозе (Фукидид, Платон); ἔχθρα (1) ‘вражда’, также у Эсхила, Еврипида и в прозе (Геродот, Фукид), προξενία (3) ‘покровительство иностранцам’, представлено еще у Еврипида и в прозе (Фукидид, Аристотель); σύνθεσις (2) ‘соглашение’, также у Эсхила и в прозе (Платон, Аристотель).

Итак, 19 из 77 т. е. почти 25 % слов группы «Общество» встречаются впервые в поэтическом языке Пиндара. Характерная их особенность состоит в весьма ограниченной распространенности. Пользуясь ими, автор подчеркивает изысканность своей лексики, ее необычный и нестандартный характер.

Некоторые слова поэтической лексики Пиндара засвидетельствованы в греческих прозаических надписях. Сюда можно отнести: ἀγῆτήρ (Аттика), ἐπέτας (Египет, пап.), ἐποπτας (Аттика), ἄναξ (Кипр), κοίρανος (Локрида). В надписях обнаружены и другие слова, впервые встречающиеся у Пиндара: δραπέτας (Египет, п.), ἔποκος (Локрида), εὐαμερία (Крит), προξενία (Аттика, Фокида), σύνθεσις (Аркадия, Арголида) и другие.

Если пополнение пиндаровского языка за счет ранней лирики характеризуется использованием слов, отражающих бурное развитие греческого общества в VII–VI вв. до н. э. (δουλία, δουλοσύνα ‘порабощение’, στάσις ‘восстание’, ἐλευθερία ‘свобода’, τύραννος ‘тиран’, μονάρχος ‘единовластелин’ и т. д.), то собственные нововведения Пиндара следует отнести скорее к внутриколлективным связям людей (ἐπόπτας ‘покровитель’, ἐπέτας ‘спутник’), к устройству их жизни и взаимоотношениям (εὐζοία, εὐπραγία ‘благополучие’, εὐδία ‘спокойствие’, εὐαμερία ‘благосостояние’, προξενία ‘благожелательность к иностранцам’, ἔχθρα ‘вражда’, ср. также εὐνομία ‘правопорядок’, ἡσυχία ‘спокойствие’).

Из всех поэтических и прозаических жанров греческой литературы наиболее близкой к Пиндару в лексическом плане оказалась трагедия: в ней представлены 65 из 77 рассмотренных выше слов, причем большинство из них встречаются в ее хоровых партиях. Для сравнения можно указать, что в ранней лирике их оказалось 54, в исторической прозе (главным образом, у Геродота) – 53, в философской (главным образом, у Платона) – 41.

Заканчивая рассмотрение лексической группы «Общество», я должен констатировать, что наибольший интерес Пиндара привлекают вопросы, связанные с родословной мифологических и полумифических героев, с ведущей ролью руководителей в жизни общества, с чередованием событий военного и мирного времени. Вместе с тем он проявляет ограниченное внимание к политической структуре ранней Греции; не представлено еще у него рабство как социальное явление, лишь sporadически упоминаются представители низших слоев общества².

3. Мир животных

В состав анализируемой группы входят 60 слов-имен существительных. Они относятся к трем подгруппам: «Звери», «Птицы, рыбы, насекомые» и «Прочие».

а) *Звери*. Подгруппа включает 25 слов, они упоминаются 180 раз. Обращает на себя внимание слово *θήρ* ‘зверь’ (Р. 5. 61), употребляемое в основном во множественном числе. В одном случае поэт подчеркивает, что имеет в виду *ἄγριοι θῆρες* ‘дикие звери’ (Р. 9, 22), в остальных это подразумевается. Общее понятие «зверь» заменяется также словами *κνώδαλον* ‘животное’, по отношению к ослам (Р. 10. 36) и змеям (N. 1.50), а также *πέλωρ* ‘чудовище’ (Δ. 4. b.8). Среди диких зверей выделяется *λέων* ‘лев’ (О. 11. 20), упоминаются его: *νάπα* ‘логово’, *χόρτοι* ‘владения’, *φῦλον* ‘род’, *ἀγέλαι* ‘стада’, *ρίνος* ‘шкура’, *ὄνυχες* ‘когти’, а также отмечается его рыжий цвет (*ξανθός*) и широкая грудь (*βαθύστερνος*). Слово «львы» чаще всего сопровождается эпитетами. Второе животное «змея» представлено двумя словами – *δράκων* и *ὄφις*. в одном случае поэт изображает их с ненасытными челюстями и громадным туловищем (Р. 4. 244). Спорадически встречаются и другие животные: *ἄλώπηξ* ‘лиса’ – дерзкая (*θρασεῖα*); *ἔλαφος* ‘олень’ – золоторогий (*χρυσόκερως*); у волка (*λύκος*) можно поучиться хитрости (Р. 2. 84); *πίθων* – «обезьяна» кажется всегда детям красивой – *καλός* (Р. 2. 72). Кони (*ἵπποι*) – гордость богов и героев, уход за ними доставляет радость (О. 4. 14), обладание ими – заслуженное уважение (Р. 2. 2). Победа в конных состязаниях приносит славу и почет как их владельцу, так и наезднику (О. 3. 4). Из эпитетов наиболее распространенным является ‘золотая’ (*χρυσέα*) – (женский род, преобладает лошадь), из сложных можно отметить: *σιδaro χάρμας* ‘радующаяся железу’, *ἀελλόπους* ‘бурей одета’, *ὠκύπους* ‘быстроногая’ и *πελεκυφόρας* ‘несущая топор’. Слова ‘корова, бык’ – *βοῦς*, *ταῦρος*. Упоминаются желтые стада коров (Р. 4. 149), быки Гериона (Fr. 169. 6), дышавшие огнем (Р. 4. 225), белый бык (О. 13. 69), медный бык (Р. 1. 95) и бык, запряженный в плуг (Fr. 234. 2). Собака (*κύων*) охраняет стада (I. 1. 13), используется для охоты (N. 3. 51). Свинья (*ῦς*) – горная (*ὄρεϊκτίτος*), коза (*αἴξ*) – сиросская, дающая лучшее молоко (Fr. 106. 4), мул (*ἡμίονος*), запряженный в повозку (О. 6. 22), горный козел (*τράγος*, Fr. 201. 3) и козленок (*ἔριφος*, Fr. 47), жертвенный осел (*ὄνος*, Р. 10. 3), жеребята (*πῶλοι*, Р. 2. 8) и баран (*κριός*, Р. 4. 68).

Дикие звери изображены ярче и рельефнее, чем домашние. Особенно четко выписан лев, который характеризуется рядом редких эпитетов, и змея – ее красочный (для поэта) внешностью.

Среди домашних животных первое место занимает конь, однако основное внимание привлечено не столько к нему самому и его внешнему виду, сколько к таким его качествам, как неутомимость, стремительность и быстрота. Нигде не акцентируется внимание на масти коней и на цвете их глаз, как это было, например, со змеями. Отсутствует и единый термин для определения понятия «зверь»: диких животных поэт называет θήρ, домашних – ἐρπετόν.

б) *Меньше интереса проявляется к птицам.* Понятие «птица» отображают три слова: ὄρις, οἰωνός, и ποτανός. ὄρις чаще всего обозначает орла (О. 2. 88, Р. 5. 112). Οἰωνός относится к хищным птицам, ποτανός – ко всем крылатым. Орел (αἰετός) является признанным царем (βασιλεύς, О.13. 21) и вожаком (ἀρχός, Р. 1. 7) птиц. Его называют быстрой (ὥκς, N. 3. 80), большой (μέγας, I. 6. 50), длиннокрылый (τανυπτερός, Р. 5. 112) и золотой (χρύσεος, Р. 4. 4) птицей Зевса. Спорадически упоминаются и другие птицы: зимородок (ἀλκυών) и его благозвучный голос (Fr. 62), вертишейка (ἵυγξ), пестрая (ποικίλα) помощница Афродиты (Р. 4. 214), крикливые галки (κραγέται κολοιοί, N. 3. 82) и болтливые вороны (λάβροι παγγλωσσία κόρακες, О. 2. 87).

Обитатели водной стихии представлены в поэзии Пиндара крайне скупо. Слово рыба (ἰχθύς) встречается дважды (Пean 4. 20 и Fr. 306, о ките). Единственный упоминаемый житель моря – дельфин (δελφίς), он – морской (θαλασσαῖος, Р.2. 51) с короткими плавниками (ἐλαχυπτέρυξ, Р. 4. 17), быстро движется по воде (N. 6. 64), пристрастен к звуку флейты (Fr. 104. b. 15).

Следует упомянуть и насекомых. Наиболее заметной является пчела (μέλισσα); она – трудолюбивая (Р. 6. 54) и священна (ιέρα, Fr. 158). Встречается также паук (ἀράχνας, Fr. 296), жучок (κίς), моль (σής, Fr. 222. 2) и слепень (οἶστρος, Fr. 51, f. b). Несколько неожиданным оказывается явно выраженное невнимание поэта к обитателям рек и морей. Не исключено, что рыбы и насекомые не привлекали его художественного воображения из-за их неприметных внешних признаков и скрытых внутренних качеств.

в) *в число «Прочих»* мною включены слова, связанные с животным миром. Сюда относятся, прежде всего, обозначения стада: ἀγέλα желтые стада коров (Р. 4. 149), красное стадо быков (Р. 4. 205), стаи львов (Fr. 239), также о стайке девишек (Fr. 112); μῆλον – дымящееся стадами торжество (О. 7. 80), пастух стад (Р. 9. 64); ποίμνια – стаи львов и кабанов (Fr. 238); πρόβατον ‘рогатое стадо’ (Fr. 104. b. 1), стол для стада (о лошадях, Fr. 169. 28).

Рассмотрим еще слова, обозначающие части тела животных. Δέρμα ‘шкура’, θηρός ‘звериная шкура’ (I. 6. 47); руно барана – βαθύμαλλον ‘длинношерстное’ (Р. 4. 161), λαμπρόν ‘блестящее’ (Р. 4.

241). Κῶας ‘шерсть’ – αἰγᾶεν ‘сияющая’ (Р. 4. 231). Νάκος ‘руно’ – πᾶγχρυσον ‘золотое’ (Р. 4. 68). Ρινός ‘шкура (льва, I. 6. 37); ὀπλά ‘копыто’ (медное; о быке, Р. 4. 226). Крылья у птиц характеризуются словами: πτέρυξ (Р. 1. 6) и πτερόν (О. 1. 87). Слово ἑλεφας ‘слон’ использовано Пиндаром только в значении ‘слоновая кость’ (О. 1. 27). Κηρός ‘воск’ (Fr. 123. 10), ἰός ‘яд’ (здесь: ‘мед’; О. 6. 47), δάκος ‘укус’ (здесь: ‘злословие’; Р. 2. 53), ἄγρα ‘добыча’, ‘охота’ (N. 3. 81, Fr. 357).

Значительную часть слов (46), характеризующих «Мир животных» можно отнести к «гомеровской» традиции. Они чаще других встречаются у Пиндара – 201 раз, в то время как все 60 слов – 219.

Впервые у Пиндара засвидетельствованы 8 слов. Слова картаίπους ‘бык’ (О. 13. 810) и πίθων ‘обезьяна’ (Р. 2. 72) являются гапаксами. Сюда же относится слово κίς ‘жучок’ (Fr. 222). Остальные: ἵνυξ ‘вертишейка’ (Р. 4. 214), ποτανός ‘птица’ (N. 3. 80), σής ‘моль’ (Fr. 222. 2), δάκος ‘укус’ (Р. 2. 53) и ἰος ‘яд’ (О. 6. 47) представлены в позднейшей поэзии.

По-видимому, собственный вклад Пиндара в обогащение «звериной» лексики, является весьма скромным.

Наиболее употребительными в подгруппе «Звери» являются слова: ἵππος (43 случая), λέων (14) и θήρ (11). В подгруппе «Птицы...» чаще других встречаются слова: αἰετός (10), ὄρνις (8), δελφίς (7) и μέλισσα (16). В то же время половина рассматриваемых слов (29 из 60) употреблена поэтом лишь однажды.

Итак, мир животных представляется Пиндару неотделимой частью окружающей человека природы. Он связан с ней, существует вместе с ней. Чаще всего, животные привлекают внимание поэта своей полезностью человеку: диких зверей он укрощает, домашний скот приносит ему выгоду. Однако больше всего Пиндара интересует сравнение достоинств прославляемых героев с качествами диких зверей. Упоминание о птицах в одних случаях связано с божествами, образ которых они отождествляют: орел – птица Зевса, вертишейка – Афродиты, в других – с характерными для птиц чертами: болтливостью (вороны), крикливостью (галки) и благозвучием (зимородки). Иногда Пиндар акцентирует внимание на повадках представителей животного мира: морской зверь обходится без законов (N. 1. 63), волк скрытно нападает на врага (Р. 2. 84), лисица умело защищается от орла (I. 4. 47), дельфины весьма чувствительны к музыке (Fr. 140. b. 15), жучкам и молям не под силу прогрызть золото (Fr. 222. 2).

4. Искусство

В состав анализируемой группы входят 86 слов. Они относятся к пяти подгруппам: «Звук и песня», «Слово и речь», «Музыка и пляски», «Инструменты» и «Прочие».

а) *Звук и песня*. Подгруппа включает 29 слов, они встречаются 187 раз. Выделяются слова, обозначающие песню: ὕμνος (похвальная, О. 8. 54) – в честь олимпийских (О. 7. 88), немейских (N. 4. 11) и истмийских (I. 4.3) игр; (погребальная, I. 8. 60), (свадебная, Th. 3. 9); αἰοῖδᾶ – дитя Орфея (Р. 4. 176), очаровывает Зевса (О. 2. 13), прославляет Феба (Р. 5. 103), посвящается Посейдону (I. 1. 32); μέλος – направляется через море (Р. 2. 68), впрягается в победоносные деяния (N. 1.7); звучание флейт (Р. 12. 19, Fr. 140. b. 17); также «член (тела)» – разрезали его на части (О. 1. 49). К рассмотренным выше примыкают: αὐδᾶ (песня, N. 9. 4; голос, Пеан 2. 101); μοῦσά (песнь) – отличная песнь отзовется на звук тростника (О. 10. 84). Отдельные виды песен представлены словами: ἰάλεμος (Th. 5 а, 2); θρῆνος (Р. 12. 8); αἴλιμος (погребальная Th. 3. 6); σκόλιον (застольная, Fr. 122. 14); διθύραμβος (дифирамб, О.13. 19); ἐπαιοῖδᾶ (заклинение, Р. 3. 51); παιάν (пеан, Рае, 2. 4). Ряд слов обозначает звуки: αὐτὰ (музыкальный звук форминги, Fr. 140 а. 60); ἐνοπά (переносно «звук», Fr. 168. 5); ἰαχά (звук свадебных песен, Р. 3. 17); канаχά (звук флейты, Р. 10. 39); κέλαδος (звучание, Fr. 35 с); βοά (возглас, О. 7. 37); βρόμος (грохот, о громае; О. 2. 25); δοῦπος (треск, о костях; Fr. 169. 25); κλαγγά (шипение, о змеях; Dith. 2. 18); κτύπος (грохот, Рае. 13 а. 15); πάταγος (треск, Р. 1. 24); ῥοῖζος (шум; Bith. 4а. 7); ψαλμός (перебирание струн; Fr. 125. 3). Сюда же относятся слова: αἰοῖδος и μελκτάς (певец; Р. 1. 94, Fr. 340).

Значительную часть слов (21) подгруппы можно отнести к «гомеровской» традиции. Впервые у Пиндара встречаются: αἴλιμος, ἰάλεμος, λυθίραμμος, σκόλιον, μελκτάς и ψαλμός. Последнее слово получило в позднейшей литературе более широкое распространение со значением «псалм», которого еще нет у Пиндара. Наиболее употребительными среди слов подгруппы являются: ὕμνος (51 раз), αἰοῖδᾶ (48) и μέλος (25), половина слов представлена однажды.

б) *Слово и речь*. В состав подгруппы входят 24 слова, они встречаются 183 раза. Выделяются слова λόγος и ἔπος. Λόγος (речь, рассказ, молва; О. 1. 28, О. 7. 87, Р. 1. 68); хвала, слава (N. 3. 686 N. 7. 32); высказывание (О. 2. 22); пророчество (О. 8. 4); разговор, беседа (О. 3. 16, Fr. 180. 3); приговор (О. 2. 60); вопрос (Р. 9. 43); мн. ч. – слова (О. 6. 90); похвальные слова (О. 1. 110). Ἔπος (слово, О. 3. 8); песня (О. 9. 47); речь (похвальная, О. 6. 16); молитва (I. 6.6 42); прорицание (Р. 4. 9); изречение (Fr. 35. b). К рассмотренным выше примыкают слова: ἀγγελία (известие; О. 3. 28, 4. 5), персони-

фицированно Весть, дочь Гермеса (О. 8. 82); μακραγορία (пространная речь; Р. 8. 3); μῦθος (рассказ, вымышленный; О. 129); ὄρος (голос, песня; Р. 1. 98, N. 3. 11); ὀμφά (голос, N. 10. 34); παγγλωσσία (болтовня, О. 2. 87); ῥῆμα (слово, N. 4. 6; изречение, Р. 4. 278); ῥῆσις (молва, сообщение; О. 7. 55; N. 1. 59); ῥόθος (возглас, Рае. 12. 16); φάμα (молва, весть; О. 7. 10, О. 6. 63); φάτις (разговор, Р. 1. 96); φθέγμα (голос, Р. 8. 31); φωνά (голос, не знающий лжи, О. 6. 66; нежный, Р. 4. 137; посеребренный, Р. 11. 41; сладостный, N. 2. 25).

Из остальных можно упомянуть: αἶνιγμα (загадка, Fr. 177a); θέσις (расположение слов, О. 3. 8); θόρυβος (одобрение, О. 10. 72); στίχες (ряды слов, Р. 4. 57); ὑπόκρισις (ответ, Fr. 140b. 15); λόχιος (сказитель, Р. 1. 94).

Половину слов (12) подгруппы можно отнести к «гомеровской» традиции. Ряд слов представлен впервые у Пиндара: αἶνιγμα, ὑπόκρισις, φθέγμα, μακραγορία, παγγλωσσία. Нововведения относятся в основном к отдельным разновидностям прозаической речи. Наиболее употребительными среди слов подгруппы являются: λόγος (63 раза) и ἔπος (40), т.е. общие обозначения прозаического высказывания. Реже использованы слова: φωνά (12) и ἀγγελία (11), треть слов представлена однажды.

в) *Музыка и пляска.* В состав подгруппы входят 15 слов, они встречаются 55 раз. Выделяются слова: χορός (хор, N. 5. 23; пляска. О. 14. 9; стайка, Р. 9. 114); ἀρμονία (лад, Fr. 140 b. 2; персонифицированно, Гармония – дочь Ареса и Афродиты, Р. 3. 910); τρόπος (лад, лидийский, О. 14. 17; критский, Fr. 107 b. 2; способ, N. 7. 14; нарв, N. 1. 29). К рассмотренным примыкают слова: ἀμβολά (прелюдия, Р. 1. 4); βάσις (поступь, Р. 1. 2); μουσικά (музыка, Fr. 32); ὀμοκλά (звучание флейт, I. 5. 27); ὄρχημα (пляска, Fr. 107 b. 1); проκώμιον (вступление к песне, N. 4. 11); проοίμιον (зачин, Р. 7.2); ῥόμβος (кружение, О. 13. 93); χόρευσις (пляска, Рае. 6.9). Из прочих слов подгруппы следует назвать: σάμα (знак, Р. 1.3; надгробие, О. 10. 24); ὀρχηστάς (плясун, Fr. 148); χορευτάς (танцор, Р. 12. 27). Лишь одну треть (5) слов подгруппы можно отнести к «гомеровской» традиции. Ряд слов представлен впервые у Пиндара: ἀμβολά, βάσις, μουσικά, ὄρχημα, проκώμιον, ῥόμβος, χόρευσις, χορευτάς. Как видно собственный вклад поэта в обогащение рассматриваемой лексической подгруппы весьма ощутим. Нововведения относятся к музыкально-танцевальной тематике и ряд из них получил дальнейшее широкое применение. Относительно более употребительными среди слов подгруппы являются: χορός (12 раз) и τρόπος (11). Половина слов представлена однажды.

г) *Инструменты.* В состав подгруппы входят 12 слов, они встречаются 50 раз. Выделяются слова: φόρμιγξ (форминга, О. 1.17);

αὐλός (флейта, О. 5. 19); λύρα (лира, Р. 8. 31). К рассмотренным выше примыкают слова: αὐλίσκος (свирель, Parth. 2. 14); κίθαρις (кифара, Р. 5. 65); κρόταλον (кастаньеты, Dith. 2. 10); ὄργανον (вид флейты, Fr. 107 b. 2); пактῖς (лидийская лира, Fr. 125. 3); σύριγξ (свирель, Fr. 6a. a); τύπανον (барабан, Dith. 2. 9). Сюда относятся также: χορδή (струна, Р. 2. 69) и πλάκτρον (плектр, N. 5. 24). Ряд слов подгруппы сопровождается эпитетами: φόρμιγξ – золотая, славная, сладкая, искусная; разноголосая, сладкозвучная, пронзительная, семьязычная, семизвучная; λύρα – сладкоголосая, сладкоговорящая, хорошо настроенная. Менее половины (5) слов подгруппы можно отнести к «гомеровской» традиции. Впервые встречается у Пиндара слово ὄργανον. Относительно более употребительными являются слова: φόρμιγξ (16 раз), αὐλός (14) и λύρα (9); остальные использованы поэтом 1–2 раза.

д) *Прочие*. В состав подгруппы включены 6 слов, они встречаются 19 раз. Выделяются слова: κόσμος (украшение; краса, Р. 2. 10; О. 8. 83); ἄγαλμα (статуя, N. 5. 1; памятник, N. 10. 67). К названным выше примыкают слова: ἀβρότας (великолепие, нега; Р. 8. 89, 11. 340); ἀνδριάς (статуя, Р. 5. 40); δαίδαλμα (художественное изделие, Рае. 8. 81); δαίδαλον (искусное изделие, Р. 5. 36); ср. также: ἀνδριαντοποιός (ваятель, N. 5. 1). Впервые у Пиндара встречаются слова: ἀβρότας, ἀνδριάς и δαίδαλμα. Относительно более употребительными оказались: κόσμος (8 раз) и ἄγαλμα (5).

В центре поэтического искусства Пиндара находится песня. Среди ее обозначений предпочтение отдается слову ἀοιδά, оно сопровождается чаще других эпитетами, обозначая «песню вообще». Слово ὕμνος обычно употребляется со значением «похвальная песня» в честь победителей атлетических состязаний, но встречается и как «погребальная» и «любовная» песня. Что касается слова μέλος, то оно сочетается и со звучанием флейты, в то время как упомянутые выше слова связаны со струнными инструментами.

Наряду с песней Пиндар уделяет значительное внимание прозаической речи. Особо выделяются слова λόγος и ἔπος: первое обозначает – рассказ, молву, высказывание, сообщение, беседу, вопрос; второе – слово, речь, сказ, изречение, прорицание.

С песней неразрывно связаны музыка и пляска. Упоминаются лидийский, дорийский и критский лады. Особое внимание привлекают начала песенного торжества и их зачин. Они служат сигналом для хора и плясунов. Возникает удивительное единение песни, музыки и танца.

Среди музыкальных инструментов особо привлекательны: форминга, флейта и лира. Ряд наименований связан с культом богов: кифара – Аполлона, кастаньеты – Диониса, барабан – Кибелы. Фор-

минга однажды названа поэтом «дорийской», флейта – «эолийской» и «лидийской».

Одна пятая (19 из 86) слов подгруппы представлена впервые у Пиндара, в том числе пять гапаксов: *λυθίρακμος*, *παγγλωσσία*, *μακραυορία*, *προκόμιον* и *χόρευσις*. Нововведения относятся: к различным видам песен (напр., погребальных); к устным разновидностям изложения (загадка, болтовня); к музыкальной тематике (музыка, танец). Почти нет новых слов в сфере музыкальных инструментов и, особенно, изобразительного искусства.

Примечательно, что Пиндар почти совершенно безразличен к изобразительному искусству; скульптура и художественные произведения древних мастеров весьма слабо отражены в лексике поэта. Его интерес привлекают, прежде всего, песня и речь, звук и слово (53 слова, употреблены 370 раз). На втором плане: их музыкальный и танцевальный фон (27 слов, употреблены 105 раз). Характерно в этом плане признание поэта: «Я не ваятель, чтобы создавать прикованные к пьедесталу статуи» (N. 5.1) (Гринбаум 1989: 14–24).

IV. Лексический анализ

В этом разделе производится выборочный анализ ряда лексических категорий пиндаровского языка с целью определения в нем доли традиции и новаторства.

1. Имена на -τήρ, -τωρ, -τας.

а) Имена на -τήρ. Существительных на -τήρ у Пиндара всего 15. в основном это простые имена, сложным является лишь одно: *συνοικιστήρ* (со-заселитель земли). Обращает на себя внимание, что у Пиндара, как впрочем и у Гомера, не представлены собственные имена этого типа. Общими для Пиндара и Гомера являются несколько имен, образованных от простых глаголов на -άω (*ἱατήρ* ‘целитель’, *ἐλατήρ* ‘метатель’ и т. д.), а также: *ἀλκτήρ* ‘защитник’, *δοτήρ* ‘даритель’, *μναστήρ* ‘поклонник’, *ζωστήρ* ‘пояс’. Из послегомеровских следует упомянуть: *ἀγῆτήρ* ‘предводитель’, *κινητήρ* ‘колебатель’, *οἰκιστήρ* ‘заселитель’, *σωτήρ* ‘спаситель’, *καυτήρ* ‘сжигатель’, *ὀρθωτήρ* ‘исцелитель’. Два последних, а также упомянутый *συνοικιστήρ* представлены впервые и только у Пиндара. Более употребительным является существительное *σωτήρ*.

б) Имена на -τωρ. Всего их у Пиндара – 11. В основном это простые имена, сложным является лишь одно – *μεγαλήτωρ* (мужественный). Почти половину составляют собственные имена, встречающиеся уже у Гомера: “*Ἀκτωρ*, “*Ἐκτωρ*, *Κάστωρ*, *Νέστωρ*. Не пред-

ставлены у Гомера: Κλείτωρ и Φράστωρ. Встречаются у Пиндара: κοσμήτωρ (предводитель), σαμάντωρ (руководитель), ἀλέκτωρ (петух), впервые он употребляет слово κτίστωρ (основатель).

в) *Имена на -τας*. Эта подгруппа насчитывает у Пиндара 68 имен, из них простых нарицательных – 32, сложных – 24 и собственных – 12.

Простые нарицательные имена. Одна треть из них встречается у Гомера: αἰχματᾶς 'копьеносец', μαχατᾶς 'воин' и другие. Не представленные у Гомера (20) можно разделить на четыре группы. К первой относятся: κραγέτας 'крикун', γαμέτας 'супруг', ἐπέτας 'спутник'; первое и последнее имеются только у Пиндара. Ко второй подгруппе относятся: ὀπλίτας 'боевой' (δρόμος) и σιδαρίτας 'железный' (πόλεμος). Третья подгруппа включает имена: ἵππευτᾶς 'конный' и χορευτᾶς 'танцор'. В четвертую подгруппу входят: πύκτας 'кулачный боец', μελίκτας 'певец' и формигтᾶς 'играющий на форминге'. Не обнаружены у Гомера и другие имена на -τας: βιατᾶς 'могучий', δαμότας 'земляк', δεσπότας 'владыка', ἀεθλητᾶς 'борец' и др. Все они, кроме βιατᾶς, представлены и у ряда других авторов.

Сложные нарицательные имена. Лишь два из этой подгруппы (24) представлены у Гомера: κυναγέτας 'охотник' и ἐριβρεμέτας 'рычащий'. Только у Пиндара встречается: ξεναγέτας 'гостеприимный', ἐρικλάγκτας 'громкозвучащий', βαρυφθέγκτας 'низкоголосый', ἀργιβρόντας 'грохочущий' и αἰολοβρέντας 'громовержец'. Негомеровские имена можно разделить на три подгруппы. К первой относятся: αἰγιβάτας 'покрывающий коз', βοηλάτας 'гоняющий быков', διφρηλάτας 'возница', профάτας 'пророк' и др. Вторая подгруппа охватывает имена: μοισαγέτας 'предводитель муз', λαγέτας 'предводитель народа', ἀρχαγέτας 'основатель колонии', εὐεργέτας (благодетель). В третью подгруппу входят: βουβότας (волопас), συμπότας 'вместе выпивающий', μηλοβότας 'овчар' и продότας 'изменник'.

Собственные имена. Из 12 имен этой подгруппы половина представлена у Гомера: Ἀλάτας, Βελλεροφόντας, Ὀρέστας и др. Не встречаются в гомеровских поэмах пиндаровские: Ζήτας, Ἀμύντας, Εὐρώτας, Μελικέρτας, Πισάτας и Πολυδέκτας.

Часть имен, встречающихся у Пиндара, на -τήρ, -τωρ, -τας мною обнаружены в греческих надписях ряда областей Древней Греции, прежде всего в Аттике (13 имен), Египте (9) и Италии (8). Некоторые из них представлены уже в крито-микенских надписях XIV–

ХII вв. до н. э. (Ventris, Chadwick 1973): i-ja-te (ἰατήρ, PY Eq 02)¹³; ka-ra-te (κράτηρ, MY Oe 611); на -τωρ – A-ko-to (Ἄκτωρ, KN So 239); E-ko-to (Ἐκτωρ, PY Eb 913); Ka-to (Κάστωρ, KN Dg 1169) (Ср.: Landau 1958: 173); на -τας – do-po-ta (δεσπότης, PY Tn 316.5), e-qe-ta (ἐπέτας, PY An 519.15), ku-na-ke-ta (κυναγέτας, PY Na 248), qo-u-qo-ta (βουβότας, KN X 480), ra-wa-ke-ta (λαγέτας, PY Un 718), A-ra-ta (Ἀράτας, Kn Uf 1011), I-ke-ta (Ἰκέτας, KN B 799.8), ср. ἰκέτας у Пиндара (O. 5.19); Ma-ka-ta (Μαχατάς, PY Jn 725), ср. μαχατάς у Пиндара (N. 2. 13); O-re-ta (Ὀρέστας, PY An 657.3), To-ko-so-ta (Τοξότας, KN X 7624), ср. τοξότας у Пиндара (P. 1. 53). Не встречаются у Гомера, но представлены у Пиндара крито-микенские: δεσπότης, ἐπέτας, βουβότας, λαγέτας.

Из рассмотренных трех групп имен на -τηρ, -τωρ, -τας последняя является наиболее показательной. Лишь часть нарицательных имен этой группы встречается у Гомера (13 из 56). Сложные пиндаровские имена на -τας почти не представлены в гомеровских поэмах (2 из 23).

Итак, в языковой традиции Пиндара удастся обнаружить не только «гомеровское», но и более древнее наследие, истоки которого восходят, как я стремился показать, к архаической микенской эпохе. Утверждения о том, что Пиндар заимствовал эти слова у Гомера не убедительны. Вместе с тем наличие ряда гапаксов (напр. καυτήρ, краγέτας) могло бы говорить в пользу предположения о личном вкладе поэта в обогащение поэтической лексики (см. подробнее об этом: Гринбаум 1982: 68–78).

2. Глаголы на -αω, -εω, -οω

По моим подсчетам, встречаются у Пиндара всего 1186 глаголов, из них 502 с гласной и 684 с согласной основой. Среди первых наиболее многочисленными являются глаголы на -αω, -εω, -οω.

а) Глаголы на -αω. Из 92 глаголов этой подгруппы 61 являются простыми, 31 сложными. Наиболее употребительные из них: σιγάω (O. 9. 103), αἰδάω (O. 1.7), πεδάω (O. 1. 76) и другие, всего 12. Большинство глаголов (56 из 92) представлены у Пиндара однажды: простые – βιβάω (O. 14. 17), βιδάω (N. 8. 34), χλιδάω (O. 10. 84), всего 31 и сложные – ἐξαυδάω (N. 10. 80), катаκλάω (P. 5. 34), ἀποσυλάω (P. 4. 110), всего 25. Только половина сложных глаголов на -αω встречается у Гомера. К собственнo пиндаровским (гапаксы) относятся παρακοινάομαι (P. 4. 133) и παραπεϊράομαι (O. 8. 3). Многие глаголы на -αω представлены у современных Пиндару и поздней-

¹³ Микенские имена на на -τηρ рассматриваются подробно в статье: Lejeune 1960: 9–30.

ших писателей, часть обнаружена мною в греческих надписях Аттики (10), Арголиды (7), Малой Азии (10) и Египта (58, в папирусах).

б) *Глаголы на -εω*. Эта подгруппа охватывает 161 глагол, из них 90 простых и 71 сложных. Наиболее употребительные из них: κελαδέω (О. 1. 9), ἀνθέω (О. 11. 10), οἰκέω (О. 6. 34) и другие, всего 28. Большинство глаголов на -εω (90 из 161) представлено у Пиндара однажды: простые – ἀραβέω (Fr. 169. 24), θαμβέω (N. 3. 50), тарβέω (Fr. 110. 2), всего 38, и сложные – ὑποθέω, μετοικέω, διαρκέω (Р. 2. 84; 9. 83; Fr. 311), всего 52. Из 161 глагола на -εω встречаем у Гомера 106, из них из 71 сложных – 32. Собственно пиндаризмы: ἐπαβολέω (Рae. 6. 182), ἀντιξοέω (О. 13. 34); катафуλλорέω (О. 12. 15) и т. д., всего 6. Многие глаголы на -εω представлены в аттической драме, исторической и философской прозе. Часть обнаружена мною в греческих надписях Аттики (22), Арголиды (5), Малой Азии (20) и Египта (96, в папирусах).

в) *Глаголы на -οω*. Эта подгруппа состоит из 35 глаголов, 33 простых и 2 сложных. Чаше других употреблены ὀρθόω (О. 3. 3) и στεφανόω (О. 4. 11), большинство встречаются однажды (26 из 35). Сюда относятся простые глаголы ἀμείροω (I. 4. 57), ἀξιόω (N. 10. 26), γεφυρόω (I. 8. 51) и т. д., сложные – διорθόω (О. 7. 21) и ἐπιστεφανόω (О. 9. 112). Большинство представлено у других греческих авторов: Геродота (18), Еврипида (15), Эсхила (14), Платона (13) и Гомера (10). К собственно пиндаризмам относятся: ταξιόω (О. 9. 78), χαλκόω (О. 13. 86) и δαιδαλόω (О. 1. 108). В эпиграфическом материале глаголы на -οω представлены редко: в Аттике (5), Беотии (3) и Египте (17, в папирусах).

Итак, Пиндар использует всего 288 глаголов с гласной основой на -αω, -εω, -οω, что составляет 60% от всей группы. Простые глаголы на -αω встречаются чаще всего у: Гомера (48 из 61), Еврипида (44), Софокла (40), Эсхила, Геродота и Платона (по 38). Простые глаголы на -εω представлены чаще всего у Гомера (74 из 90), Еврипида (72), Софокла (59), Геродота (59), Эсхила и Платона (по 57). Простые глаголы на -οω засвидетельствованы преимущественно у Геродота (18 из 33), Еврипида (15), Эсхила (14), реже – у Гомера (10) и Гесиода (7). Несколько иная картина со сложными глаголами. Глаголы на -αω представлены чаще всего у Гомера (17 из 31), Софокла и Еврипида (по 16), Геродота (14); глаголы на -εω: у Геродота (40 из 71), Еврипида (34), Гомера (32; для сравнения: у Гесиода только 9).

Итак, пиндаровские глаголы на -αω, -εω, -οω встречаются в целом наиболее часто у Гомера и Еврипида (по 181 из 288), Геродота (168), Софокла и Платона (по 153), Эсхила (144). В эпиграфическом

материале мною обнаружены простые глаголы: в Египте (116 из 184), в Аттике (27) и Малой Азии (19). Вместе со сложными глаголы на -αω, -εω, -οω представлены: в Египте (171 из 288), в Аттике (37), Арголиде (12) и Малой Азии (33).

Заметная особенность: Пиндар употребляет глаголы с гласной основой относительно редко: лишь однажды встречаются 56 из 92 глаголов на -αω, 90 из 161 на -εω и 26 из 75 на -οω.

Рассматриваемый материал позволяет сделать ряд заключений. Наиболее употребительные пиндаровские глаголы на -αω, -εω, -οω встречаются также в гомеровских поэмах, аттической драме и художественной прозе. Нет оснований говорить о каком-то особом влиянии Гомера на Пиндара, речь скорее может идти о наличии общего архаического словаря, восходящего к микенскому времени, из которого черпали свои языковые средства различные древнегреческие авторы. О наличии такого словаря говорят и греческие прозаические надписи, сохранившие значительное число, в том числе и редких глаголов на -αω, -εω, -οω (см. подробнее об этом: Grinbaum 1981: 68–80).

3. Сложные прилагательные

Сложные прилагательные составляют весьма существенный элемент пиндаровского языка. Глязер отмечает, что у Гомера встречается лишь одна пятая всех имеющихся у Пиндара сложных слов (Glaser 1898: 11). Всего сложных пиндаровских прилагательных, не засвидетельствованных у Гомера, насчитывается приблизительно 450, из них половина относится к т. н. пиндаризмам, т. е. не представлены ни у одного греческого автора. Изучая сложные слова у Пиндара, исследователи, как правило, сосредотачивали свое внимание на их классификации и определении связей с другими греческими писателями (Tessing 1884). При этом, если сложные имена встречались у Гомера, они объявлялись заимствованными, если они являлись гапаксами, Пиндар объявлялся их создателем.

Настоящая статья представляет собой попытку привлечь к изучению пиндаровских сложных слов наряду с чисто литературным также и греческий эпиграфический материал.

Встречающиеся в надписях, но не представленные у Гомера сложные пиндаровские прилагательные делим на три группы: а) нарицательные прилагательные (имеются у греческих авторов); б) прилагательные-имена собственные (имеются у греческих авторов); в) прилагательные – собственные имена (не представлены у греческих авторов).

І группа. Представлены в надписях с V–I в. до н. э., в частности, в Аттике: παλιναιρετος (IG 1². 313, 131; Элевсин), χρυσόκερος (IG 1².

76.377; Элевсин), ὑπάρχυνος (IG 1². 280, 76, Афины); в Лаконии: πολιάρχος (IG 5(1). 213, 3; Спарта), σύνδικος (IG 5(1). 65, 20; Спарта); в Малой Азии: καρποφόρος (SIG 820, 5; Эфес), πενθήμερος (SIG 364, 9, Эфес), ικαφόρος (SIG 629, 6; Пергам).

Все эти надписи – прозаические. Ряд сложных нарицательных прилагательных встречается в метрических (преимущественно, надгробных) надписях на окраине греческого мира: в Малой Азии – δυσπενθής (Epigr. Gr., 431; Антиохия), ἀβόητος (Epigr. Gr. 240. 1; Стирна); в Италии – πολукτέανος (IG 14. 809; Неаполь), ταχύποτος (IG 14. 2005; Рим); в Галии – νεόδατος (IG 14. 2508; Немаус).

II группа. Известно, что многие вышедшие из употребления в поэтической сфере сложные прилагательные продолжают в течение столетий жить в языке в качестве собственных имен (Schwyzer 1939: 427). Среди выявленных у Пиндара слов также представлен целый ряд сложных прилагательных, которые встречаются в греческих надписях в виде собственных имен. Они сохранились в определенных областях Греции: Аттике, Фокиде, Фессалии, Беотии, Арголиде и на острове Эвбея.

III группа. Сложные прилагательные – собственные имена, не представленные (кроме Пиндара) в литературных произведениях, засвидетельствованы, как и предыдущая группа, в различных областях Греции: Фессалии, Аттике, Беотии, на острове Эвбея. Кроме того, они встречаются в Арголиде, Фокиде и Малой Азии. Всего в надписях мною обнаружено 120 сложных пиндаровских прилагательных (из 450) и 40 пиндаризмов (из 250).

Среди рассматриваемых греческих областей наибольшее внимание привлекает Фессалия. Дело не только в общем количестве сложных пиндаровских прилагательных, выявленных на ее территории (ок. 30%), но прежде всего о встречающихся в Фессалии пиндаризмах. Здесь сосредоточена половина их общего количества: Κρατήσιππος (IG 9 (2). 532. 22; Ларисса), Κρατήσίμαχος (IG 9 (2). 517. 50; Ларисса), Λυδίπονος (IG 9 (2). 703; Фарсал), Ὀρθόπολις (IG 9 (2). 1040. 12; Гоннос) и другие. Сложные прилагательные – собственные имена: Λεοντοδάμας (IG 9 (2). 558, 7; Ларисса), Τηλέφαντος (Becht., 425; Фарсал), Ἀριστογόνοος (IG 9 (2). 1282, 16; Питий) нигде в надписях Греции, кроме Фессалии, не найдены.

Рассматривая расположение сложных пиндаровских прилагательных на территории самой Фессалии, выясняем, что они сосредоточены, главным образом, в ее северо-восточной части: Пеласгиотиде (города Ларисса, Гоннос, Феры), Ахае Фтиотидской (Города Фарсал, Фивы) и в северной части – Перребии (города Фаланна, Питиум, Азорос). Заслуживает внимания, что их половина, как и

половина всех пиндаризмов обнаружена мной в надписях города Лариссы – центра Пеласгиотиды.

Все вышесказанное дает основание не только не переоценивать зависимость Пиндара от Гомера, но и искать для большинства пиндаровских сложных прилагательных более древний источник греческого поэтического языка, отложившийся как в хоровой лирике, так и в гомеровском эпосе. Учитывая древность хоровых песен и их связь с культовыми празднествами, а также наличие у Пиндара более 4/5 сложных прилагательных, отсутствующих у Гомера, можно предположить и существование собственной догомеровской традиции хоровой лирики. По-видимому, некоторые ее следы удастся обнаружить в надписях ряда областей Греции.

В свое время в статье «Язык Пиндара и надписи Фессалии» мною обращалось внимание на ряд общих фонетических и морфологических особенностей в языке Пиндара и надписей Фессалии и отмечалось, что такая совокупность общих явлений нигде в Греции больше не представлена (Гринбаум 1959: 93–102).

Есть основание сделать вывод, что древнейшая языковая традиция, которой следовал Пиндар, оставила свои наиболее ощутимые следы не столько в Беотии – на родине поэта, и не столько на Пелопоннесе (Hoffmann 1916: 65), сколько в Фессалии, а точнее в Пеласгиотиде (с центром в Лариссе) и прилегающих к ней районах.

Вопрос о том, почему совокупность характерных для языка Пиндара фонетических, морфологических и отчасти лексических особенностей выступает наиболее ярко именно в Фессалии, и связана ли она лишь с пришедшей извне поэтической традицией или отражает в какой-то мере и древнейшую локальную диалектную базу, требует дополнительного изучения и остается пока открытым (см. подробнее об этом: Гринбаум 1966: 64–71).

Литература

- Гринбаум 1959 – Н. С. Гринбаум. Язык Пиндара и надписи Фессалии // Классическая филология. Л.
- Гринбаум 1966 – Н. С. Гринбаум. Язык Пиндара (сложные прилагательные) // Язык и стиль античных писателей. Л. С. 64–71
- Гринбаум 1972₁ – Н. С. Гринбаум. Язык Пиндара и надписи Аркадии // Питання класичної філології. № 10, Львов. С. 22–27.
- Гринбаум 1972₂ – Н. С. Гринбаум. Язык Пиндара и надписи Арголиды // Античность и современность. М. С. 57–66.
- Гринбаум 1974 – Н. С. Гринбаум. Язык древнегреческой хоровой лирики как исторический источник // ВДИ, № 4. М. С. 24–43.
- Гринбаум 1982 – Н. С. Гринбаум. Традиция и новаторство в языке Пиндара (имена на -τηρ, -τωρ, -τας) // Традиция и новаторство в античной литературе. Л. С. 68–78.

Гринбаум 1989 – Н. С. Гринбаум. Поэтическая лексика Пиндара: искусство // *Philologus*. Bd. 133, 1. Berlin. S. 14–24.

- Ahrens 1843 – H. L. Ahrens. De Graecae linguae dialectis. V. II. Gottingae.
- Boeckius 1811 – Pindari Opera quae supersunt. Textum restituit...Augustus Boeckius. V. I. Lipsiae.
- Boeckius 1821 – Pindari Opera quae supersunt. Textum restituit...Augustus Boeckius. V. II. Lipsiae.
- Bowra 1935 – Pindari Carmina cum fragmentis recognovit...C. M. Bowra. Oxonii.
- Buck 1910 – C. D. Buck. Introduction to the study of the Greek Dialects. Boston.
- Christ 1896 – Pindari Carmina prolegomenis et commentaries instructa / Ed. W. Christ. Lipsiae.
- Drachmann – Scholia vetera in Pindari Carmina, recensuit A. B. Drachmann. V. I–III. Lipsiae, 1903, 1910, 1927. Führer 1885 – A. Führer. Der böotische Dialekt Pindars // *Philologus*. V. 44. S. 49–60.
- Glaser 1898 – M. Glaser. Die zusammengesetzte Nonima bei Pindar. Amberg.
- Grinbaum 1981 – N. S. Grinbaum. Pindars Lexik. Die -αω, -εω, -οω-Verben // Aischylos und Pindar. Berlin. S. 68–80.
- Hermannus 1827 – G. Hermannus. Opuscula. V. I. Lipsiae. P. 217.
- Heyne 1798–1799 – Pindari Carmina et fragmenta. V. I–III, ed. Ch. G. Heyne. Gottingae.
- Hoffmann 1916 – O. Hoffmann. Geschichte der griechischen Sprache. Bd. 1. Berlin.
- Hoffmann, Debrunner 1953 – O. Hoffmann, A. Debrunner. Geschichte der griechischen Sprache. Bd. I, Berlin.
- IG IV – Inscriptiones Graecae. IV, ed. M. Fraenkel. Berolini, 1902
- IG V. IX, 2 – Inscriptiones Graecae. V. IX, 2. Berolum, 1908
- IG V, 2 – Inscriptiones graecae, V, 2, Berolini, 1913.
- Irigoin 1952 – J. Irigoin. Histoire du texte de Pindare. Paris.
- Irigoin 1958 – J. Irigoin. Les scholies métriques de Pindare. Paris.
- Landau 1958 – O. Landau. Mykenisch-griechische Personennamen. Söteborg.
- Lejeune 1960 – M. Lejeune. Essais de philology mycénienne. VI // *Revue de Philologie de literature et d'histoire anciennes*. T. 34. P. 9–30.
- Lind 1893 – J. Lind. De dialecto Pindarica. Lundae. P. 1–2.
- Maehler 1975, 1989 – Pindari Carmina cum fragmentis. Pars II. Ed. H. Maehler. Lipsiae.
- Mommsen 1864 – Pindari Carmina ad fidem optimorum codicum recensuit...C. J. Tycho Mommsen. Berolini.
- P. Oxy – The Oxyrhynchus Papyri. Part XXVI, by E. Lobel. London, 1961.
- Peter 1866 – G. A. Peter. De dialecto Pindari, Halis Saxonum.
- Puech 1923 – Pindare, par A. Puech, T. I–IV. Paris (см. также издание 1949–1952 гг.)
- Rumpel 1883 – J. Rumpel. Lexicon Pindaricum. Lipsiae.
- Schroeder 1900 – Pindari Carmina recensuit O. Schroeder. Lipsiae (edd. min.: 1908, 1914, 1930).
- Schulze – W. Schulze. Dialectus Epidauria. IG IV, 1.

- Schwyzler 1939 – E. Schwyzler. Griechische Grammatik. T. 1. Bd. 1. München.
Schwyzer – E. Schwyzer. Dialectorum Graecorum exempla epigraphica potiora. Lipsiae, 1923.
SEG – Supplementum Epigraphicum Gracum, ed. J. J. Hondius, Leyden, 1923.
Sinko 1931 – T. Sinko. Literatura grecka. T. I, 1.
Slater 1969 – Lexicon to Pindar / Ed. By W. J. Slater. Berlin.
Snell 1953, 1955, 1959–1964 – Pindari Carmina cum fragmentis / Ed. B. Snell. Lipsiae.
Tessing 1884 – S. Tessing. De composites nominibus Aeschyleis et Pindaricis. Lundae.
Thumb 1932 – A. Thumb. Handbuch der griechischen dialekte. Bd. I, 2. Heidelberg.
Turyn 1932 – A. Turyn. De codicibus Pindaricis. Cracoviae.
Venris, Chadwick 1973 – M. Venris, J. Chadwick. Documents in Mycenaean Greek. Second edition by J. Chadwick. Cambridge.
Wilamowitz-Moellendorff 1922 – U. v. Wilamowitz-Moellendorff. Pindaros. Berlin.
Zarneke 1890 – E. Zarneke. Die Entstehung der griechischen Literatursprachen. Leipzig.